ДЕНЬ

ВЪ ТРОИЦКОЙ ЛАВРѢ.

ДЕНЬ

ВЪ

ТРОИЦКОЙ ЛАВРѢ.

СОЧИНЕНІЕ

Николая Иванчина-Писарева.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.
1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Іюля 26 дня, 1840 года.

Цензоръ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.

ДЕНЬ

ВЪ

ТРОИЦКОЙ ЛАВРѢ.

Я хотѣлъ еще разъ поклониться святынѣ, которую видѣлъ въ младенчествѣ, предъ которою умилялся въ лѣтахъ зрѣлыхъ.

«Есть звуки сердца Русскаго,» сказалъ нашъ лучшій писатель, говоря о словесности (*). Приложивъ смыслъ этихъ словъ къ исторической топографіи, скажемъ: есть названія мѣстъ ему родныя. Не смотря на ихъ стародавнюю простоту, сбережемъ ихъ для потомства: онѣ, какъ напѣвы колыбельные, питаютъ любовь къ отечеству, — въ нихъ отголосокъ его прежняго быта, его переворотовъ, страданій и славы. Сильнѣе многихъ другихъ дѣйствуетъ на Русскихъ народное *Троицы Сергія*. Напоминая о вѣковыхъ моленныхъ подвигахъ, о благодати свыше осѣняющей эту обитель, оно много говоритъ намъ и о трудахъ, подъятыхъ сю за Россію. Когда же все это сливается съ поминомъ первыхъ лѣтъ, первыхъ богомольствъ еще съ родителями и наставниками, тогда электризмъ

(*) См. *Рѣчь въ Академіи* Карамзина.

этихъ словъ потрясаетъ душу во всѣ періоды жизни 1).

Я выѣзжалъ изъ Москвы, слѣдя мѣста великихъ же воспомнианій: я проѣзжалъ это *Кучково поле*, эти стогны двухъ Георгіевъ (*), Михаила *Храбраго*, Данінла и Калиты; мнѣ мелькали храмы: Введенія, подлѣ котораго бился Пожарскій, кропя своею кровію каждый шагъ, отбиваемый у Ляховъ, и Срѣтенія, воздвигнутый тамъ, гдѣ Москва, испуганная Тамерланомъ, увидѣла свой щитъ—несомую изъ Владиміра икону Боголюбскаго; гдѣ раздавался кликъ милліона: «Матерь Божія! спаси землю Русскую!» между тѣмъ, какъ властелинъ Самарканда снималъ свои шатры, внезапнымъ ужасомъ объятый, гдѣ, послѣ, торжествующая Москва, упавъ къ ногамъ Іоанна, радостнымъ плачемъ поздравила его съ Казанью и первороднымъ сыномъ; откуда, замѣнивъ бранный шлемъ вѣнцемъ Мономаха, онъ пошелъ за крестами къ святый Кремль, чтобъ усладиться всѣми радостями отца, супруга и Монарха.

Не льзя выѣхать изъ Москвы въ Лавру, не взглянувъ на монументъ вѣрности, сохранившей намъ Петра,—на величественную башню, имъ посвященную имени Стольника Сухарева: Великій умѣлъ и этотъ памятникъ обратить въ памятникъ нашего просвѣщенія. Миновавъ храмъ, созданный его матерью, добродѣтельною, кроткою Наталіей, увидите

(*) Владиміровича и Всеволодовича.

садъ, насажденный цѣлебными растеніями, и вспомните еще разъ объ Отцѣ отечества 2).

Проѣзжая слободы, нѣкогда Троицкія, воображаемъ, что̀ была Сергіевская обитель для Москвы и Россіи: весь этотъ край столицы принадлежалъ ей 3)! Мысль о ея знаменитости еще усиливается, когда, при выѣздѣ изъ города, открывается предъ вами путь, по которому спѣшили пѣшіе Монархи молить или благодарить Бога надъ гробомъ Сергія. На этомъ ли пути не искать слѣдовъ историческихъ! — Но тамъ нѣтъ уже и тѣхъ, которые находилъ покойный Исторіографъ. Онъ говорилъ Русскимъ: «Пусть одно время, а не рука человѣ«ческая, разрушитъ дворецъ села Алексѣевскаго! «У насъ мало памятниковъ прошедшаго: тѣмъ бо«лѣе должны мы беречь, что̀ есть.» Но человѣческая рука, втиснувшая надгробный камень Пересвѣта въ церковный фондаментъ, надгробный камень Пожарскаго въ рундукъ Ефимьевскаго монастыря, рука, водимая невѣжествомъ, давно сожгла въ овинахъ и стѣны, въ которыхъ живалъ отецъ Петра Великаго 4). Уже мало и слышно тамъ объ этомъ дворцѣ: изустныя преданія старцевъ-поселянъ были сообщаемы ихъ внукамъ, но эти слѣдуютъ нынѣ вліянію *позитивнаго* вѣка, хотя — слава Богу — еще не напитались *юморизмомъ*. Рѣшаюсь быть его жертвою: пусть назовутъ меня дурнымъ подражателемъ Стерна, — я желалъ бы застать и *смородиновыя кусты, съ которыхъ Царевны могли еще брать ягоды.*

Когда душа настроена къ какому нибудь одному чувству, тогда и маловажные предметы, его питающіе, мечутся въ глаза: я замѣтилъ, что отъ Москвы до Лавры ни одного вѣковаго дерева не попалось мнѣ на всемъ лѣсистомъ пространствѣ. Можетъ быть, еще недавно пали отъ топора, а не отъ времени, липа или вязъ, подъ которыми отдыхали пѣшеходствовавшіе Вѣнценосцы: покоритель Казани съ добродѣтельною Анастасіею, Михаилъ съ смиренною Евдокіею, родители Петра, Елисавета или Екатерина Великая (*)! Можетъ быть, вѣтвистые старцы еще бы долго зеленѣли, но пали преждевременно. Дивиться нѣчему: я слышалъ завѣрное, что въ самой Москвѣ рубили старыя деревья, да еще какія!... Многимъ памятны стихи Делиля, въ которыхъ онъ оплакиваетъ срубленіе Версальскихъ: что-же скажемъ мы о срубленіи нѣкоторыхъ деревъ въ Лефортовѣ, въ Петровскомъ, бывшемъ Разумовскомъ, и еще въ другихъ мѣстахъ 5)?—У насъ искони главными просвѣтителями были наши Монархи: они всегда обращали уважительное вниманіе на все ознаменованное печатію любопытной давности, когда бывали извѣщены объ ономъ; сохранили прежній видъ *Спаса на Бору* при всей несообразности его съ другими зданіями; обнесли щитомъ домикъ Петра Великаго и поставили стражу у Коломенскаго дуба. Екатерина II, сказываютъ старожилы, прогнѣвалась за срубле-

(*) Всѣ упомянутые державные *пѣшеходствовали* въ Лавру; Екатерина, въ 1775, къ Троицыну дню.

ніе какихъ-то историческихъ деревъ въ подмосковномъ Царицынѣ. Государь, нынѣ прославляющій насъ, болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ печется о сохраненіи остатковъ отечественныхъ памятниковъ: судьбѣ угодно, чтобы никакая слава не миновала Его вѣнца (*). Но мы, какъ и Россіяне Петра, еще мало подражаемъ своимъ державнымъ Вождямъ, — не всегда имъ способствуемъ хранить вѣковое.

Оставя на минуту все воспоминательное, археологическое, замѣтимъ, что Карамзинъ въ описаніи Путешествія своего въ Лавру ошибался, находя истребленіе лѣсовъ не опаснымъ для Россіи. Прошло съ тѣхъ поръ неболѣе 36 лѣтъ,—и лишь неусыпныя попеченія Правительства и помѣщиковъ, сберегая остатки лѣсовъ, могутъ сохранить ее нынѣ отъ вліянія стужи, угрожающей жилищамъ, городскимъ и сельскимъ. Такъ, мы обсушимъ болота, разселимся,—но дыханіемъ своимъ не нагрѣемъ атмосферы, сжимаемой 30-ю градусами мороза, хотя бы и размножились какъ Китайцы. Слѣдствія благодѣтельной идеи Г. Демидова искать земляныхъ угольевъ по Южнымъ краямъ Россіи, кажется, не велятъ намъ и думать о продовольствіи себя этимъ средствомъ. Повторяю, здѣсь ошибался и Карам-

(*) Вѣрные, благонамѣренные, истинно просвѣщенные исполнители Его воли ограждаютъ нынѣ отечественные памятники, не только отъ разрушенія, но и отъ критицизма, посягающаго на оное.

зинъ, хотя и признавалъ, что Переяславль по однимъ только слѣдамъ лѣснаго грунта можетъ еще называться *залѣсскимъ* 6).

Вся дорога усѣяна вереницами богомольцевъ. Я спрашивалъ: «Откуда?» — «Изъ Епифани, Ельца, Тамбова *къ Троицѣ Сергію, — къ Сергію Радонежскому.*» — О Русь! святая Русь! ты, не смотря на мудрованія вѣка, не престаешь тѣснить пути, стремясь къ великому слугѣ Божію, къ твоему вѣковому предстателю! Пусть мнимые наблюдатели смѣшаютъ эти пѣшеходства съ пилигримствами новой Италіи: скажу изъ глубины сердца: нѣтъ! на Троицкомъ пути я встрѣчалъ прямое вѣрованіе, прямую теплоту, прямое сокрушеніе простыхъ сердецъ, еще неизсякшія въ нашемъ отечествѣ.

Завидна участь автора, съ помнюмъ котораго сдружилось все полезное, все благодѣтельное его времени, — сказалъ я, взглянувъ на Мытищинскіе водопроводы, видные съ дороги. Карамзинъ, благоговѣя къ великимъ думамъ Екатерины, которая, какъ говорилъ онъ въ Похвальномъ Ей словѣ, «успѣла осыпать насъ благодѣяніями на теченіе вѣковъ,» первый высказалъ Русскимъ объ этомъ предпріятіи, какъ о залогѣ любви добрыхъ Государей къ доброму народу. Безъ него, можетъ быть, намѣреніе могло бы, какъ и все земное, или не довершиться или предаться забвенію, — и свѣжія, легкія струи, *полезнѣйшія самыхъ Аптекъ*, долго бы еще не брызнули вблизи памятниковъ, имъ же

придуманныхъ, вблизи садовъ стѣны Кремлевской, имъ же предначертанныхъ 7). Напоминать Правительству о полезномъ, славя его благіе помыслы, значитъ содѣйствовать ему ко славѣ и благоденствію отечества, достойно снискивать признательность Монарховъ и согражданъ, и заранѣе срѣтать благословенія потомства 8).

Ростокино напомнило мнѣ одну изъ эпохъ возрожденія нашего къ величію и славѣ послѣ вѣковыхъ испытаній: тамъ народъ Московскій *кипѣлъ* на пространствѣ семи верстъ, желая встрѣтить покорителя Могольскаго царства, и ударить ему челомъ за Казань, еще не допустивъ его до столицы.

Я проѣхалъ село Братовщину, этотъ привалъ державныхъ богомольцевъ. Останавливаться тамъ было не нужно: тамъ уже нѣтъ слѣдовъ ни древняго храма, ни *Царской вышки*, нѣкогда столь извѣстной. Въ этомъ селѣ былъ дворецъ Іоанна IV, и напоминалъ уже не о славномъ періодѣ его жизни: въ немъ принятъ былъ дерзкій посолъ Девлетъ-Гирея послѣ сожженія Москвы. Въ немъ постигъ Годунова первый ударъ мстящей десницы Провидѣнія: тамъ получилъ онъ вѣсть о болѣзни жениха Царевны Ксеніи. Но здѣсь совершилась еще одна великая встрѣча: когда юный Михаилъ шелъ успокоить сиротѣвшее царство и начать племя его Прославителей, сюда подвиглась святыня Московская при кликѣ всего народа,—и коснувшійся древ-

няго посоха державства (*), благословляемый Іерархами, привѣтствуемый вождями-спасителями, Князьями древнихъ племенъ, Боярами и всѣми людьми,— кропимый слезами матери, которая приносила новую жертву Авраама, отрокъ шелъ закрыть всѣ раны отечества, или погибнуть въ новыхъ козняхъ. Великъ, страшенъ былъ предстоявшій подвигъ: но жены Россіянъ отрывали отъ грудей младенцевъ, клали ихъ къ ногамъ Михаила, — и Марѳа предавала его волѣ Божіей и народной.

Дѣти! и вамъ святый Сергій оставилъ великій примѣръ — примѣръ любви сыновней. Такому-ли мужу не сохранить первѣйшую обязанность человѣческаго сердца? — Но онъ умѣлъ передать и вѣкамъ свое сыновнее чувство, заповѣдавъ Русскимъ посѣщать гробы Кирилла и Маріи. Туда заѣзжали со мною, младенцемъ, отецъ и мать. Помню, какъ читали молитвы надъ родителями Св. Сергія, а послѣ обкладывали меня образками и ладонками. Я не смѣлъ не заѣхать въ Хотьковъ.

Открылась Лавра. — Приближаясь къ ней, чье сердце Русское не встрѣпенется и не разбудитъ *своей* памяти?—Но ея наружный видъ издали, признаюсь, примѣшиваетъ во мнѣ къ чувству умиле-

(*) Святители и Бояре, умоливъ и устрашивъ мать Михаилову заклятіями, дали ему коснуться посоха Андрея Боголюбскаго, который находится нынѣ въ Московской Оружейной: это значило, что онъ принялъ царство.

нія какое-то требованіе: желалъ бы видѣть ее, если не въ самомъ первоначальномъ образѣ, по крайней мѣрѣ безъ рѣзкой противоположности древняго съ какимъ-то *рококо*, вѣнчающимъ высокое сквозное зданіе. Напомнная о Пекинѣ, Троицкая колокольня превосходитъ *лишь вышиною* Ивановскую въ Москвѣ, эту величественную колонну, образецъ первобытнаго зодчества древнѣйшихъ народовъ 9). Если бы прихаровка всегда управляла вкусомъ, то стоило бы внимательно разсмотрѣть нѣкоторыя старинныя колокольни въ самой Москвѣ, когда уже непремѣнно хотѣли избѣгнуть подражанія Ивановской. Растрелли, жившій во время совершенной испорченности вкуса, не удостоилъ на нихъ и взглянуть, забывъ правило, что не отклоняться отъ существующихъ образцевъ, и не изобрѣтать самонадѣянно своихъ часто бываетъ дѣломъ генія, — и оставилъ примѣръ въ поученіе потомству. И въ искусствахъ и въ наукахъ, самолюбіе и стремленіе къ новизнѣ рождаютъ отклоненіе отъ изящнаго, не подозрѣвая, что чувство истины и прямой красоты, общее всѣмъ вѣкамъ, не минуетъ его своимъ приговоромъ. Архитекторъ Растрелли былъ еще послѣдователемъ Бернини, который своими прихаровочными завитками исказилъ каѳедру въ Римскомъ соборѣ Св. Петра и многое въ украшеніяхъ Лувра, послѣ Перрольта. Старые *наши* Аристотели Фіоравенти, Піетры-Антоніи и Алевизы были сообразительнѣе и старались держаться мѣстности и приличій. Когда недоставало имъ образцевъ среди зданій Московскихъ, они объѣзжали древнюю Рос-

сію и возвращались обогащенными памятію виденнаго, которое сливали въ своихъ планахъ съ современнымъ или идеальнымъ.

Послѣ завитковъ и Пекинскихъ переклѣтовъ, страсть къ Греческому стилю временъ языческихъ, истребляя все согласное съ нашими воспоминаніями, совращая насъ съ Византическаго, строя свѣтлянькіе Пантеоны, грозилась добить монументальную архитектуру; — но планъ Спасителева храма утѣшилъ меня: сердце Русскаго будетъ тамъ молиться, благодарить за славное спасеніе отечества и вселенной, забывая о странѣ Фидія, и не переносясь въ Элладу, ему чуждую: у него свои Марафоны, свои Термопилы 10).

Я остановился предъ Святыми вратами: вотъ сѣнь, въ которую ни одинъ изъ Царей не вступалъ на коняхъ и съ покровенною главою, — пройдя которую послѣ часа уложеннаго Сергіемъ, и святые предавали себя покаянію (*)! — Съ этой мыслію я вошелъ въ ограду. Священна каждая пядень этой земли: по ней ступалъ юноша, рано взглянувшій на мимотечность дольняго, рано воцарившійся надъ страстями. Здѣсь, въ чащѣ мрачнаго лѣса и дебрей пустынныхъ, ревъ звѣрей не заглушалъ его бесѣдъ съ Богомъ; ихъ не прерывали ни бранный гомель Княжескихъ усобицъ, ни мятежныя порыванія сердца, еще юнаго гостя земли. Здѣсь зачался молен-

(*) Св. Пафнутій Боровскій, завечерѣвшій въ бесѣдѣ съ тогдашнимъ игуменомъ.

ный пріютъ во дни тяжкіе, во дни внутреннихъ тревогъ и нашествій вражіихъ: и страдальцы, жертвы бурь житейскихъ, прослышали скоро, гдѣ готовился имъ отдыхъ. Сколько фортунъ погибшихъ, сколько вѣчныхъ разлукъ съ милыми являли эти времена! — Все оставшееся еще томиться на землѣ, все безотрадное шло, бѣжало туда, гдѣ бесѣды Святаго, гдѣ молитва подлѣ него звали къ неземному утѣшенію; сердца просили *криле полетѣть и почить*, и слетались здѣсь въ образѣ тѣхъ пернатыхъ, которыхъ таинственно видѣлъ Сергій. Вскорѣ, хотя еще при скудныхъ, но тогда важныхъ пособіяхъ Симеона Гордаго и Смоленскаго Архимандрита, Симона, близъ моленной келліи проглянула маковица брусянаго храма. Она мелькала сквозь прорѣди лѣса, — и удрученные жизнію, завидѣвъ ее возвеселялись духомъ и спѣшили въ обитель Сергія, *иже въ Маковцѣ*, — въ этотъ вертоградъ, гдѣ прозябалъ новый цвѣтъ Русскаго иночества 11). Здѣсь, уже старецъ, работая Богу, собирая словесное стадо, наставляя, утѣшая, служа примѣромъ въ трудахъ, молитвѣ и постѣ, гремя славою святости отъ конца въ конецъ Россіи, онъ работалъ и ей — своей земной матери. Россіянинъ! жизнь Сергія слита съ важнымъ историческимъ періодомъ твоего отечества: благоговѣй къ нему въ двойнѣ! Когда сердце Россіи, страдавшей подъ гнетомъ Татарскаго ига, переходило отъ Калиты къ Симеону, отъ Симеона къ Іоанну, отъ Іоанна къ Димитрію Суздальскому, отъ сего къ Димитрію Московскому и его сыну, во все это время онъ здѣсь

молился (*). Молва о добродѣтеляхъ пустынножителя вела къ одѣтому вретищемъ Князей, Бояръ, всѣхъ людей земли Русской внять его совѣту, обрѣсть благословеніе, — и Сергій былъ не только свидѣтелемъ, но и пособникомъ воскрилію Державы къ независимости и величію. Здѣсь жилъ и умеръ мужъ, исполнившій все, чего небо и земля требуютъ отъ смертнаго: кто-же, безъ сердечнаго умиленія, безъ сознанія предъ нимъ своего ничтожества, можетъ ступить на это святое мѣсто?

Давно уже было сказано о пирамидальномъ обелискѣ, поставленномъ покойнымъ Митрополитомъ Платономъ. Карамзинъ передалъ лучшимъ языкомъ содержаніе надписей. Удивительно, что тамъ ни слова о безсмертномъ подвигѣ Князя Пожарскаго! Трудно забыть Князя Димитрія Михайловича, который, жертвовавъ Россіи жизнію, пожертвовалъ и царскимъ вѣнцемъ ея спокойствію.

Вотъ сердцевина Лавры, къ которой со всѣхъ странъ неизмѣримой Россіи текутъ ея сыны, — вотъ Соборъ Троицкій. На этомъ мѣстѣ стоялъ храмъ, срубленный при Сергіи: въ немъ онъ литургисалъ, молясь о скорбномъ отечествѣ, когда Мамай шелъ изгубить его, когда сильный Тохтамышъ громилъ храмы и чертоги столицы. Здѣсь стояла и его смиренная келлія, замѣнившая молен-

(*) Онъ родился въ 1314 году; постригся двадцати-трехъ лѣтъ, и такъ въ 1337; скончался въ 1392.

ную хижину. Сюда, на ихъ пепелище, возвратился преемникъ его, Св. Никонъ, съ уносимыми имъ отъ лютаго Эдигея сокровищами: съ крестомъ Патріарха Филовея, съ ветхою ризою, древяными сосудами, посохомъ и сандаліями Сергія! Сыны Донскаго помогли ему воздвигнуть этотъ храмъ изъ камени, и велѣли славному Рублеву и сопостнику его, Даніилу, росписать стѣны; возставили и келлію Святаго на прежнемъ мѣстѣ; — и вотъ уже пять столѣтій, какъ въ радостяхъ и скорбяхъ идутъ Державные и сильные земли Русской ввѣрять свои обѣты этимъ сводамъ, и, стрясая блескъ земнаго величія, сыпать его на святыню. Къ нимъ же влечется и селянинъ съ своею лептою молить о больномъ дѣтищѣ, о маленькомъ стадѣ и о засѣянной имъ полоскѣ земли.

Еще разъ, по прошествіи многихъ лѣтъ, я пришелъ поклониться святынѣ Лавры, и еще съ большимъ умиленіемъ припалъ къ ковчегу, хранящему петлѣнныя останки Праведнаго, Мудреца, Миротворца, Патріота; къ ковчегу, къ которому Главы Православія водвизалпсь отъ Востока, дабы кропить его моленными слезами 12); въ который, вмѣстѣ съ надеждами Россіи, полагался цѣлый рядъ новорожденныхъ ея Царей прямо отъ купели святаго крещенія. Отъ него текли они къ побѣдамъ; къ нему возвращались благодарить за нихъ, и не преставали сносить къ нему всѣ туги сердца, всѣ заботы царственной и частной жизни. Во дни кровавыхъ усобицъ, къ нему прибѣгъ отецъ Іоанна III, — и Богъ сохранилъ ему жизнь, но послалъ

испытаніе, которое, смиривъ, улучшило въ немъ сердце, умудрило разумъ,—и *Темный* возблагодарилъ своихъ злодѣевъ 13)! Здѣсь Іоаннъ III крѣпилъ душу готовясь къ дѣлу великому,—къ сверженію Могольскаго ига. Сюда пѣшеходствовала Софія, отрасль Императоровъ Греціи, молить о чадородіи,—и выступила въ престольный градъ съ младенцемъ во чревѣ, *мудрымъ* Василіемъ. Сюда, на этотъ гробъ, хранитель судебъ земли Русской, былъ возложенъ и сынъ Василія, младенецъ Іоаннъ, руками Святаго (Даніила Переяславскаго). Этимъ гробомъ завоевано первое Царство (Казанское), гдѣ (на Свіягѣ) первымъ знакомъ Православія воздвигся памятникъ почившему въ немъ. Сюда совратилъ путь свой торжествующій покорителъ, хотя и спѣшилъ увидѣть своего первенца, и внять кликамъ славы изъ устъ народа. — Этотъ гробъ отбросилъ Казы-Гирея отъ стѣнъ Московскихъ. — Грянулъ гнѣвъ Божій на Царство, — и этотъ гробъ сталъ твердынею средп повсемѣстной бури, одинъ заключилъ въ себѣ Россію! Надъ нимъ возгласилась клятва доблихъ Воеводъ: «*Сидѣть въ осадѣ безъ измѣны!—всѣмъ къ трапезѣ кровопролитной, — пить чашу смертную!*» и неумолкала во всю осаду, единственную въ лѣтописяхъ міра. Къ нему подвигся знаменитый Скопинъ-Шуйскій, чтобы прославиться разбитіемъ Сапѣги и услышать благословенія Россіянъ. Отъ него стремились Куракины и Бутурлины во всѣ концы Россіи сбирать людей ратныхъ. Къ нему принесенъ былъ Пожарскій съ первой Московской битвы 14); и когда без-

смертный Нижегородецъ и Печерскій Ѳеодосій пришли съ грамотою отъ Діонисія въ село Пурихъ, къ лежавшему въ ранахъ и ожогахъ Князю Димитрію; когда герой Зарайска и стогновъ Москвы сказалъ, простря еще слабую руку: «*Мужаимся и укрѣпимся о людѣхъ нашихъ и оградѣхъ Бога нашего*», тогда мысль его была—не обходить этого ковчега 15)! Отъ него пошелъ онъ съ Мининымъ спасать Москву и Царство. Въ послѣдней Московокой битвѣ, имъ,—этимъ гробомъ, взяты Климентьевскія засады при кличѣ: *Сергій! Сергій!* который слился съ воплемъ бѣгущаго Ходкѣвича. У него благословясь, еще разъ явились старцы-иноки на стѣнахъ обители, дали новый отпоръ Владиславу, и предписали гордымъ Ляхамъ условія мира. — Къ нему шествовалъ изъ смиренной Ипатьевской келліи іюнона Михаилъ, и внималъ внушенію собрать Царство изъ развалинъ и пепла. Надъ нимъ вдохновлялся Алексій, добытель нашего Юга, законодатель, уготовитель путей славы, и повѣрялъ ему свои предчувствія. Надъ нимъ рыдала вдова-Царица, преклоняя къ нему надежду Россіи — Петра!... О! съ какимъ благоговѣйнымъ трепетомъ, заглядывая подъ сѣнь древняго олтаря, смотрѣлъ я на его престолъ, который заслонилъ отъ острія безумныхъ втораго творца Россіи, Творцемъ міровъ сей посланнаго! Мнѣ слышались и неистовый ревъ убійцъ и вопль Наталіи; мнѣ видѣлся и Отрокъ, обреченный славѣ моего отечества, видѣлся озаряемый хранительнымъ свѣтомъ, спасаемый высшею силою. Такъ, этотъ храмъ Тріипостасному воз-

двигнутъ Сергіемъ какъ вѣковый Палладіумъ Россіи; но въ немъ спасти Петра Великаго было важнѣйшимъ благодѣяніемъ ея Заступника.

Съ мощей Преподобнаго я свелъ взоръ на икону близь нихъ висящую.... Отечество! благословляй, доколѣ стоишь, память извѣчнаго святаго друга своего, Сергія! Вотъ иверень его гроба: онъ былъ грозою Вильны, поборная Царю Алексію; онъ леталъ съ Петромъ въ пылу Лѣснаго и Полтавы, и разилъ Карла XII, какъ нѣкогда крестъ его разилъ Мамая на Куликовѣ. Измѣны Гетмана, Августа и Султана, бунты на Дону и въ Астрахани были опасны, какъ и измѣна Олега Рязанскаго; но побѣда Полтавская, упроченная трудами державства, была столь рѣшительна, что никакой Европейскій Тохтамышъ не смѣлъ возобновить нашествія, коснуться предѣловъ Россіи. — Забудемъ ли мы, свидѣтели-очевидцы, какъ являлся на землѣ гигантъ непостижимый, чтобы преткнуться о Россію и изчезнуть? Не забудемъ же, что этотъ иверень гроба, съ ликомъ почившаго въ немъ, носился предъ ея воинствомъ!

Икона, вездѣ сопутствовавшая Петру, напомнила мнѣ о жертвахъ, принесенныхъ на алтарь отечества — имъ въ трудахъ цѣлой жизни, Лаврою въ сильныхъ ему пособіяхъ. Обитель никогда на оскудѣвала въ большихъ грудахъ золота, — и Петръ Великій не могъ имѣть ничего на совѣсти, когда помощію оныхъ спасалъ, хранилъ и возвеличивалъ землю Русскую. Достойные преемники Авраамія, Келарн истинно мудрые и просвященные, умѣвъ

цѣнить его высокіе замыслы, не уступали святому Митрофану Воронежскому въ прямомъ богоугодномъ чувствѣ, и, призывая Сергія въ свидѣтеля дѣлъ своихъ, угадывали сонзволеніе сего поборника Россіи. Не явно ли, что святый мужъ, ходя по землѣ и лежа во гробѣ, не переставалъ быть ея щитомъ-хранителемъ!—И великій изъ Царей первыя завоеванія свои означилъ памятникомъ въ честь Сергію (*).

Поклонясь главной мѣстной иконѣ Святыя Троицы, я долго стоялъ предъ ней, дивясь живописанію Византійцевъ, и совершенно убѣждался, что ихъ ученики, Италіанцы, до самыхъ Рафаэля и Леонарда-да Винчи, не могли сравняться съ ними. Не только Чимабуе, Джіото, Кастанья и Гирландайо, но даже Беллини и самый Перуджино (прежде подражанія славному ученику своему) не оставили ничего подобнаго этой иконѣ: Она, можетъ быть, есть даръ Патріарха Филоѳея Сергію, и прислана вмѣстѣ съ извѣстнымъ крестомъ. Ей, можетъ быть, молился самъ Угодникъ, и святый Никонъ сохранилъ ее въ разгромъ Эдигея. Осторожно отчищенная (сколько темнота храма позволила мнѣ видѣть, я не открылъ въ ней слѣдовъ новой кисти), она являетъ въ себѣ одинъ изъ лучшихъ, цѣльнѣйшихъ памятниковъ Византійскаго искусства, ибо стиль рисунка и самаго живописанія кажетъ въ ней цвѣтущее время онаго. Если же она была произведе-

(*) Взявъ Азовъ, Петръ Великій велѣлъ укрѣпить тамъ двѣ башни, и назвалъ одну *Сергіевскою*, другую *Никоновскою*.

ніемъ одного изъ живописцевъ Симеона Гордаго, или писана знаменитымъ Рублевымъ, то можетъ почесться славою древняго Русскаго искусства; ибо стоящая въ томъ же иконостасѣ копія съ нее, украшенная Іоанномъ IV, и писанная гораздо позднѣе, лишилась колеровъ, и ничего неимѣетъ общаго съ нею въ художественномъ отношеніи;—но вѣроятнѣе, что она изъ Византіи. Мѣстный Образъ святаго Сергія современенъ Василію Димитріевичу, ибо рисунокъ одинаковъ съ пеленою, имъ на гробъ святаго принесенною. Эта икона также цѣла отъ переписанія.

Всегда съ сожалѣніемъ я смотрѣлъ на иконы записанныя новою кистію. Но такъ поступали у насъ съ Греческими и съ нашими Алимпіевыми, или съ произведеніями иконописцевъ временъ Симеона, которые подражаніе Греческому почитали долгомъ и признакомъ таланта, — и этотъ талантъ былъ неоспоримъ, ибо Исторія сохранила имена трехъ Русскихъ художниковъ его времени. Тоже дѣлали и съ произведеніями нашего славнаго Рублева и сопостьника его Даніила 16): посредственность смѣла 17)!

Я искалъ знаменитой иконы Святителя Николая, пробитой Польскимъ ядромъ во время незабвенной осады; искалъ противъ желѣзной двери, сквозь которую оно пролетѣло,—и нашелъ ее въ придѣлѣ. (По словамъ нѣкоторыхъ иноковъ, ее снесли съ прежняго мѣста въ XVIII столѣтіи, по словамъ другихъ, позднѣе). Помолясь Угоднику предъ этимъ памятникомъ великой эпохи, я съ радостію увѣрился, что икона лишь отчищена: кисть поновите-

ля не коснулась ее. Мѣсто, тронутое ослабшимъ ядромъ близъ самаго лика, оставлено безъ оклада: мысль счастливая: — она принадлежитъ XVII столѣтію.

Кто почившій здѣсь подъ однимъ кровомъ съ Св. Сергіемъ? Чей прахъ удостоенъ такой чести? — Это сынъ Владиміра Храбраго, Князь Андрей, владѣтель этого края, пришедшій къ преемнику Сергія воспріять схиму съ именемъ Саввы. Завидно такое достоиніе владѣльца! счастливъ получившій въ удѣлъ Радонежъ, а въ бесѣдахъ съ святымъ Никономъ благодать, уклонясь отъ міра, тогда полнаго смутъ и усобныхъ треволненій 18)!

Здѣсь, сказалъ я входя въ келлію Сергія (названную уже *Серапіоновскою палаткою*) проведено столько лѣтъ, простояно столько тысячь ночей въ бесѣдѣ съ Богомъ, въ жаждѣ вѣчнаго! — Здѣсь дикій звѣрь водворялся какъ незлобивая овца, и долго былъ единственнымъ свидѣтелемъ молитвъ Святаго, единственнымъ дѣлителемъ его постническихъ брашенъ. Сюда неслись дары и грамоты отъ Патріарховъ Византіи, тогда, какъ мудрецъ о Богѣ изумлялъ вельможъ и простолюдиновъ кротостію бесѣды и смиреннымъ вретищемъ своихъ одеждъ. Сюда отъ святыя горы Аѳонскія приходили спасаться, и умирали праведными (*). Здѣсь *земный*

(*) Сергій Вологодскій. Наставленный Родонежскимъ, онъ отшелъ въ лѣса Владимірскія, и тамъ скончалъ свое моленное житіе.

ангелъ или *человѣкъ небесный* отвергнулъ престолъ Первосвятителя, не смотря на *моленія Великодержавныхъ и всѣхъ людей*. Здѣсь, въ этомъ уголкѣ, таившемся въ пустынѣ дебристой, пролито имъ столько моленныхъ слезъ и за тебя, Россія! Въ роковые дни, когда туча гибели висѣла надъ столицею и всею державою, сюда съ благоговѣйнымъ смиреніемъ вступали Донскій и Владимиръ Храбрый; здѣсь они приняли благословеніе старца на подвигъ великій и опасный: на первую рѣшительную битву съ Моголами, — и изнесли съ собою этотъ даръ *аки некрадомое сокровище*. Здѣсь прорекъ онъ Димитрію: «Побѣдиши супостаты своя», вооружилъ схимами двухъ прославленныхъ *изволъниковъ*,—и они, съ крестами на возглавіяхъ, полетѣли къ Куликову предначать побѣду и пасть за землю Русскую. Здѣсь трепетало его сердце, предузнавая день страшной сѣчи; отъ сюда понеслось писаніе на самое поле битвы: «не терять времени, и стоять крѣпко»; между тѣмъ какъ тамъ уже гремѣло изъ устъ героевъ и раздавалось въ полкахъ: «*Сергіе, помози рабу своему* 19)! Отсюда исходилъ онъ собирать и водворять стадо ученикъ Христовыхъ, основывая имъ обители; утѣшать разоренныхъ, или плакать съ ними; примирять и благословлять Князей и ихъ народы;—изшелъ, въ послѣднее, напутствовать отходившаго въ вѣчность героя Дона и Непрядвы и проводить его останки къ могиламъ Калиты и Симеона. Довершивъ подвигъ житія для блага земной отчизны, видѣвъ шесть великокняженій, которымъ всѣмъ содѣйствовалъ,

видѣвъ ихъ славу и бѣдствія, бѣдствія и славу, здѣсь до конца умолкнулъ, бесѣдуя съ однимъ Богомъ.... Если *такой* мужъ не достоинъ былъ чудеснаго Посѣщенія, совершившагося въ этой келліи, то кто изъ земныхъ будетъ достоинъ его? — Желательно, чтобы она, хотя и перестроенная, имѣла видъ и мѣру подлинной, разрушенной Эдигеемъ. Создатель каменнаго храма, ученикъ и преемникъ Сергія, св. Никонъ, помнилъ се: въ ней онъ молился съ Учителемъ, въ ней принялъ паству съ послѣднимъ дыханіемъ Праведнаго,—и могъ не отклониться отъ вѣрнаго ей подражанія; думаю, однакоже, что она была тѣснѣе, и распространилась для трехъ гробовъ: Сераѳіона, Архіепископа Повгородскаго (бывшаго здѣсь Игуменомъ, и извѣстнаго по распрѣ съ Іосифомъ Волоцкимъ); Іосафа Скрыпицына (также здѣшняго Игумена и послѣ Митрополита всея Россіи, свидѣтеля блаженной кончины В. К. Василія, воспріемника Іоанна IV, потомъ жертвы его бурнаго царствованія), — и безсмертнаго Діонисія, святаго защитника Россіи. Впрочемъ, можетъ быть, эти гробы и не измѣнили бы келліи, св. Никономъ возставленной: остается сказать, что эту келлію перестроили въ 1783-мъ году, желая, можетъ быть, сдѣлать лучше, но не думая, что когда нибудь благоговѣющій къ святой древности спроситъ: для чего коснулись? для чего измѣнили 20)?

Я выступилъ изъ этого святочтимаго мѣста, волнуемый двумя чувствами: памятію о святомъ Сергіѣ и о достойнѣйшемъ его преемникѣ въ дѣлахъ

отчизнолюбія, о почившемъ здѣсь святомъ Діонисіи. Досидѣвъ въ осадѣ Троицкой, онъ первый пробудилъ мысль, первый далъ средства спасти отечество, извлечь его изъ моря крови, изъ мрака униженія. Кромѣ помощи жителямъ и воинамъ осажденной Москвы, кромѣ неимовѣрныхъ заботъ государственныхъ, въ которыхъ утомлялись его *борзые писцы*, ибо призывы ко спасенію Царства безпрерывно текли изъ устъ его, чтобы литѣть въ концы Россіи (едва Куракины и Бутурлины успѣвали ихъ развозить); кромѣ сихъ трудовъ, уже превышающихъ силы постнаго инока, онъ подвизался въ молитвахъ слезныхъ, «и всяка нощь день ему бяше (*)». Призвавъ и благословивъ полки Пожарскаго, онъ еще разъ былъ грозою Сигизмунда и Владислава: Отсюда видна церковь Деулинская, памятникъ мира, коего условія начертаны бердышами Лавры 21). Я видѣлъ ее, молился Діонисію,—и благословлялъ память другаго великаго.... Но взоръ мой напрасно ищетъ гроба Авраамія Палицына, этого старца-героя дышавшаго лишь спасеніемъ Россіи, рѣшителя побѣды надъ сильною ратію Ходкѣвича, старца, которому равнаго нѣтъ въ исторіи! Духъ его святится восторгами потомства; его пламенное перо, изобразившее годину плача и великихъ подвиговъ, исторгаетъ слезы, — а прахъ его почіетъ при шумѣ волнъ отдаленнаго моря, въ пустыняхъ Соловецкихъ 22)!

(*) Житіе Св. Діонисія.

Вотъ храмъ Успенскій, памятникъ покоренія Царствъ, созданный Іоанномъ IV по образцу *большія Пречистыя* въ Москвѣ, и довершенный его сыномъ. Въ немъ почила долговременная жертва его причудъ, Королева Лифляндская, Марія съ младенцемъ дочерью. Ихъ поразила рука, поразившая его сына: Тамъ за стѣною, истлѣла эта рука....— Но Іоанна и Годунова съ Маріею судила Исторія: довершитъ день Суда великаго. — Пройдемъ смиренно мимо гробовъ опальныхъ, какъ бы извержен-ныхъ, дозволивъ себѣ лишь размыслить о суетѣ земнаго величія 23). Прахъ этотъ былъ нѣкогда Царь Борисъ; предъ нимъ смирялись Монархи славные, и стоя выпивали заздравный сму кубокъ! Но скоро онъ повлекся, отрываемый, изъ Архангельскаго Собора къ Варсонофію, отъ Варсонофія къ этому погосту, вмѣстѣ съ истязанными трупами жены и сына, плѣнявшаго взрачностію, умомъ и душею ангельскою. Дочь, диво красоты, неприглядная для своего народа и пословъ чужеземныхъ, еще во дни величія овдовѣла сердцемъ; потомъ видѣла мучительную смерть кровныхъ, и, поруганная бродягою, 16 лѣтъ томилась, то въ пустыняхъ Бѣлаозера, то старицей на берегахъ Клязмы; наконецъ прилегла здѣсь къ отцу, матери и брату. Неимовѣрными страданіями она, кажется, одна заплатила за смерть и Святаго Царевича Димитрія и Королевы Маріи съ младенцемъ и героя Шуйскаго, за ослѣпленіе Царя Симеона, за пострижеиіе Княжны Мстиславской, за Захарьиныхъ-Юрьевыхъ,—за всѣ жертвы,—и мирить сердца съ памятію Борц-

са. Въ трехъ періодахъ ея жизни Провидѣніе указало и на торжество и на казнь преступнаго: оно три раза приводило сюда Ксенію: въ первый, когда, въ часъ молитвы отца надъ святыми Мощами, пылалъ престольный градъ зазженный кознями его зломыслія, она, невинная отроковица, приступала къ святынѣ съ душею ясною какъ образъ небожителя;—въ другой разъ являлась невѣстою, ослѣпляя красотою и убранствомъ, цвѣтущая надеждами счастія, полная чисторадостныхъ думъ о другѣ сердца, и оглашаемая кликомъ народа Московскаго: «да здравствуетъ наша Государыня Царевна»! Между тѣмъ какъ имя ея гремѣло на эктеніяхъ всего Царства, а слава красоты въ земляхъ Востока и Запада 24); — въ третій, привезена въ закрытыхъ саняхъ подъ власяницею и съ именемъ Ольги, за изверженными тѣлами родившихъ ее; сирота убитая, снѣдаемая скорбями, какими только можетъ быть сраженъ смертный, и съ одною отрадною мыслію: скорѣе прибыть сюда безжизненною 25) Провидѣніе избрало чистѣйшую изъ земныхъ жертвъ, чтобы, соединивъ столь ужасныя терзанія съ шестнадцатилѣтнею истомою, замолить ей дѣла ужасныя... и мы—лишь помолимся о Борисѣ!

Замѣчу здѣсь, что было на моей памяти: нѣкогда прохожій, такъ сказать, видѣлъ, чувствовалъ все это паденіе величія, смотря на палатку, поросшую мохомъ, неправильно избоченную и глубоко вдавшуюся въ землю. Съ тѣхъ поръ и она испытала поновленія: обрытая, или поднятая на цѣлый рядъ кирпичей, и выбѣленная, представляетъ что-то но-

вое, и ждетъ отъ времени своего прежняго грозно-печальнаго вида.

Помолимся въ двухъ придѣлахъ этаго Собора. Вотъ сопменный Царю Ѳеодору, послѣднему Варяжскаго племени, этому агнцу на тронѣ, коего молитвою побѣжденъ могущій Ханъ предъ посадомъ столицы; коего слабый, но пророческій гласъ произнесъ Годунову: «*Ты достигнешь желаемаго: но все суета и мигъ на землѣ*»! — сопменный и добродѣтельной Иринѣ, отъ которой Борисъ таилъ всѣ неправые замыслы. — (При нихъ освященъ и соборный храмъ). Другой придѣлъ сооруженъ воимя Святителя Николая: вотъ его начало: Безсмертная осада длилась; сильная Польская армія продолжала громить обитель. Чего еще не доставало къ конечному сокрушенію сего послѣдняго оплота Россіи?—Не доставало глада, а съ нимъ и болѣзней смертныхъ: все это постигло необоримую. — Прекращеніе язвы и счастливая вылазка ознаменованы 9 числомъ Мая,—и гарнизонъ, въ которомъ мелькали клобуки, схимы и шлемы, воздвигъ подъ выстрѣлами этотъ памятникъ Святителю Николаю!—Какіе монументы!

Вотъ храмъ, сооруженный надъ гробомъ Св. Никона. Первый преемникъ Сергія тѣмъ болѣе святъ для сердца, умѣющаго цѣнить смиренную добродѣтель, что гробъ его не внутри того храма, который вознесъ онъ надъ почившимъ *наставникомъ монаховъ и собесѣдникомъ ангеловъ*. Онъ *зналъ* Сергія, слушалъ его бесѣды, видѣлъ жизнь его и кон-

чину,—и не смѣлъ лечь подъ однимъ кровомъ, ниже въ келліи, гдѣ такъ долго былъ свидѣтелемъ его моленій 26)!

Не льзя обойти храмъ Сошественскій: его закладывалъ Іоаннъ, еще мудрый законоположникъ, еще славный покоритель Казани, молясь тутъ вмѣстѣ съ добродѣтельною Анастасіею! — Не обойдемъ и Сергіевскаго, созданнаго въ честь великому угоднику двумя юными соцарственниками, Іоанномъ и Петромъ. Онъ также есть памятникъ усердія покойнаго Платона къ благолѣпію Святыни: здѣсь оно въ удовлетворительномъ блескѣ величія, и не оскорбляетъ другой святыни—святыни древности,—ибо здѣсь не коснулись глубокой. Не обойдемъ и храма Предтеченскаго, сооруженнаго Строгоновыми: онъ напоминаетъ добытелей третьяго Царства и сподвижниковъ Вѣры и вѣрности въ годину тяжкую (*).

Мнѣ отворили ризницу. Взглянувъ еще разъ на эти шкафы, я сказалъ про себя: Вотъ священный музеумъ нашей Исторіи, изложеніе любопытнѣйшихъ эпохъ царства! Въ дарахъ его Владыкъ вся постепенность его переворотовъ, — Россія съ ея преданіями, величіемъ и силою! Между тѣмъ, какъ деревянные сосуды, крашенинная риза и вся утварь

(*) См. Грамоту тарханную или несудимую, данную, въ 1610, Петру Сем. Строгонову на право писаться *со вичемъ*. Левекъ правдиво назвалъ Строгоновыхъ нашими Медицисами.

святаго Сергія, *отъ юности не бывшаго златопосцемъ*, показываютъ отшельца отъ міра и его блеска,—Великокняжескіе дары тѣхъ временъ, равно скудные, кажутъ печать жестокихъ испытаній, которыя перенесло наше отечество. Они скудны до конечнаго сверженія двухсотлѣтняго ига. Тамъ, сквозь бѣдность непозлащенныхъ панагій, мѣдныхъ крестовъ и простыхъ пеленъ, проглядываетъ лишь славное Евангеліе перваго вкладчика, Симеона Гордаго (Хитровское, шестивѣковое, обогащенное миніатюрами древняго Греко-Россійскаго искусства, доставлено послѣ: оно подарено было Царемъ Ѳеодоромъ Алексіевичемъ Боярину Хитрову), да плащаница, принесенная супругою Владиміра Храбраго (Еленою Ольгердовною), искусствомъ вышиванія дивная, рисункомъ равная произведеніямъ и Византіи и самой тогдашней Италіи, ученицы первой. Засимъ еще скудны дары сына и внука Донскаго. Но вдругъ останавливаетъ васъ узорочная пелена Софіи Палеологовой: Іоаннъ III, кажется, сводитъ предъ вами Римъ съ Византіею въ стѣнахъ своей Москвы, и стрясаетъ прахъ съ главы Россіи! — а тамъ уже несмѣтныя драгоцѣнности, возвышающія лепоту Лавры. Іоаннъ IV, кромѣ великолѣпныхъ зданій, разсыпалъ сокровища; Годуновъ еще превзошелъ его. Но здѣсь изсякаетъ приливъ богатства въ святую обитель, — начинается его отливъ: Грабительное державство перваго Самозванца, шестнадцатимѣсячная осада, язва, голодъ, всѣ ужасы едва вообразимые; помощь избавителю, Князю Скопину, и, къ несчастію, ложнымъ союз-

никамъ, напослѣдокъ сзываніе ратныхъ со всѣхъ концевъ Царства, запасы для битвъ Московскихъ; новый приступъ самаго Владислава,—все это стеклось на святое мѣсто. Надлежало удерживать весь Сѣверо-Восточный край отъ вліянія враговъ, и помогать не однѣми увѣщаніями; снабжать Московскій народъ и войска; высылать даже самыя утвари; подкрѣплять духъ городовъ вѣрныхъ, и, при истощеніи всей казны, часто однимъ именемъ Сергія вырывать Россію у Поляковъ, Шведовъ и измѣнниковъ.— Дары юнаго Михаила, Царя обѣдиѣвшаго Царства, не пышны, однако же достойны руки Державной. Заснимъ чудесный изворотъ,—и мы узнаемъ самобытность силъ Русскаго Царства по многоцѣнности даровъ Алексія, добытеля Смоленска и Кіева такъ скоро послѣ годины слабости и униженія 27)! Груды алмазовъ, жемчуговъ, рубиновъ и изумрудовъ, принесенныя въ послѣдовавшія времена, ослѣпляютъ, дивятъ, но менѣе занимаютъ наблюдателя-патріота. — Среди новѣйшихъ приношеній нашихъ Царей, всегда благочестивыхъ, всегда усердныхъ къ Молитвеннику о благоденствіи ихъ Державы, остановили меня сосуды, устроенные Великою Екатериною: На жертвенникъ, воздвигнутый ополчителемъ на Мамая и Ягайлы, ихъ вознесла покорительница послѣдняго Могольскаго Царства, Литвы и Польши! — Любезны были Святому Сергію дары, принесенные Матерью Отечества: въ этомъ ручаются потомство и Исторія, всегда добросовѣстныя. Онѣ смотрятъ на дѣла Царей, на полезные или вредные слѣды оныхъ; взвѣшиваютъ

всѣ труды, подъятые для счастія народа, часы тревогъ за его цѣлость и спокойствіе, всѣ печали при неудачахъ въ благихъ намѣреніяхъ, всѣ заботы о вознагражденіи ошибокъ новыми подвигами державства, взвѣшиваютъ эту царственную епитимію Вѣнценосца — и рѣшаютъ, какъ рѣшаетъ совѣсть. Таковый судъ уже начался для Безсмертной: и въ какомъ лучезарномъ блескѣ я вижу Ее выходящую изъ ареопага Исторіи! Тридцать четыре года Мудрость соцарствовала Кротости! Если вѣрить предчувствіямъ и предсказаніямъ умирающихъ, то можно замѣтить, что одинъ изъ нашихъ Государей, соединявшій эти два достоинства (В. К. Василій Іоанновичь), въ томленіяхъ угасавшей жизни взывалъ: «*Государыня Великая Екатерина! пора царствовать!*»—Опиравшійся на геній Іоанна III, казалось, завѣщевалъ Екатеринѣ II благоговѣть къ другому Великому, и сквозь два столѣтія звалъ Кротость соединиться съ Мудростію, чтобы въ полнѣ прославить и успокоить Россію 28).—Дары Князя Таврическаго также останавливаютъ, — и мысль патріота стремится къ берегамъ Чернаго моря имъ добытаго, обнимаетъ Херсонъ, Екатеринославль, Симферополь, Севастополь, все какъ бы волшебно имъ созданное, угадываетъ Одессу,—и спѣшитъ обнять душу этого слуги Екатерины и Россіи, *колоссальнаго какъ Россія!*—Не всѣ удачи его можно объяснить земными выкладками политики и ума государственнаго: онъ много удѣлялъ минутъ своей жизни молитвенному сокрушенію, и искренно чтилъ вѣковаго благодѣтеля Царства, святаго Сер-

гія 29). Герои Полтавы, а также и Задунайскіе и Рымнинскіе несли сюда жертвы благодаренія великому помощнику въ ихъ подвигахъ.

Здѣсь видѣлъ я посохъ Святаго. Но, среди многихъ предметовъ ему принадлежавшихъ, этотъ менѣе занимаетъ мысль, чѣмъ другой, его же, въ Голутвинскомъ монастырѣ, ибо тамъ онъ является единственнымъ изъ его памятниковъ. Тамъ живѣе вспоминаешь слова Исторіографа: «Мирскія добро-«дѣтели ищутъ славы: она сама находитъ небесную «святость и не счадитъ ея скромности,»—или священныя иносказанія Библіи: «*Не можетъ укрыться градъ верху горы стоящь, ни свѣтильникъ утаится подъ спудомъ:*» и что видимъ! — отрубокъ древесной вѣтви зоветъ къ себѣ цѣлыя поколенія; говоритъ и напоминаетъ сердцу; становится святынею для христіанина, для мудраго, для патріота!—Гдѣ ни задерживался онъ, согбенный пустыническимъ странствованіемъ, тамъ вознеслись храмы. Въ лѣсахъ Радонежа пробита имъ тропа къ мѣсту, гдѣ быть началу и концу духовной жизни Святаго, отъ куда пролиться лучу спасительнаго ученія на половину Царства, объемлющаго полсвѣта. Имъ освящены берега Киржача и Дубны; имъ на берегахъ Оки означены три мѣста молитвѣ и пѣнію славы Божіей: въ Высоцкомъ, въ Бѣлопесоцкомъ, въ Голутвинскомъ. На пескахъ Москворѣцкихъ начертано имъ основаніе Спасо-Андроньева и Симонова. Гдѣ только прислонялся онъ, все свидѣтельствуетъ о благодати, тамъ почіющей. Онъ сопутствовалъ Сергію и въ дѣлахъ отчизнолюбія:

Текли ли гонцы съ вѣстію Державнаго о распрѣ Князей Нижегородскихъ,—пустынникъ, помолясь, бралъ его, и шелъ въ Нижній. Застонала ли земля Русская отъ топота коней вражіихъ, отъ нашествія сопостатъ лютыхъ, — этотъ посохъ дѣлался жезломъ спасенія. Дрожа въ старческихъ рукахъ, молитвою и скорбію сотрясаемыхъ, онъ спѣшилъ на встрѣчу Донскаго указать ему путь къ Непрядвѣ. Склонялась ли Россія къ краю гибели отъ вражды Димитрія и Олега,—онъ снова износился изъ келліи, дабы тамъ, надъ струями Сѣверки, остаться хоругвію примиренія.—Добавимъ: этотъ жезлъ пустыннаго игумена священъ для насъ какъ и посохъ Святителя Петра, указавшій въ Москвѣ колыбель нашей славы, и истертый въ степяхъ Ордынскихъ, чтобъ льготою успокоить Россію, — какъ и посохъ Алексія, тамъ измозженный, чтобы смягчить губителей отечества; — священъ и для философа, ибо, весь покрытый пылію странничества, не былъ обмѣненъ на Митрополичій, предложенный Сергію Алексіемъ 30).

Я долго стоялъ надъ поставцемъ, въ которомъ собрано множество серебряныхъ и мѣдныхъ панагій, крестовъ и иконъ (нѣкоторые изъ нихъ Греческаго дѣла): можетъ быть, это скрижаль Исторіи нашей Іерархіи, нашего отшельничества! Я также долго разсматривалъ и ветхія пелены, вышитыя руками Царевенъ, и переносился мыслію въ домашній бытъ этихъ державныхъ юницъ: я воображалъ, какъ онѣ, съ Кремлевскихъ теремовъ своихъ налюбовавшись восходомъ солнца и видомъ

красивыхъ селъ Москвы, садились за обѣщанныя Св. Сергію работы, или испещряли пергаминъ Евангелій, или же списанныхъ (*). Нѣкоторые старцы, слышавшіе преданія отъ своихъ дѣдовъ, сказывали мнѣ, что Царевны занимались этимъ стоя, и воспѣвая псалмы и пѣсни духовныя.

Дворецъ, построенный въ 1720-мъ Архимандритомъ Тихономъ для Петра Великаго, зовется еще именемъ строителя, и въ немъ еще стоятъ кресла Монарха 31). Этотъ дворецъ занятъ нынѣ важнымъ заведеніемъ: въ немъ образуются готовленники къ предстоянію Олтарямъ Господнимъ и къ духовному назиданію. Тамъ собрана знаменитая библіотека, въ которой покойный Историографъ нашелъ сокровища, въ томъ числѣ лучшій списокъ Несторовой лѣтописи.

Обнимая взоромъ строенія Лавры, я искалъ мѣста для новаго зданія, — мѣчталъ о полу-ротондѣ, въ которой достойно расположилась бы ризница Лавры. Первое мѣсто, посреди, заняла бы, выставленная, какъ щитъ, святосмиренная риза Сергія, эта хламида, которой душеспасительная сѣнь обхватила среднія страны Россіи; подлѣ нее древяные сосуды, посохъ и прочіе предметы, ему принадлежавшіе, — все подъ великолѣпнымъ балдахиномъ. Въ право и въ лѣво, обстало бы, въ полу-

(*) Съ особеннымъ вниманіемъ смотрѣлъ я на одно изъ такихъ, принадлежащее ризницѣ Воскресенскаго монастыря. оно списано и украшено миніатюрами Царевною Татіаною Михайловною.

кружін, все блистающее богатствомъ: ризы и пелены въ шкафахъ прозрачныхъ нѣсколько выгнутой формы, чтобы они образовали обстаніе; сосуды, Евангелія, митры на полуколоннахъ, или, какъ говорилось въ старину, *столпикахъ*, подъ стеклянными куполами; кресты и панагіи въ лежащихъ кіотахъ 32); около этой полуротонды, въ углахъ залы, великолѣпные напрестолія подъ стеклянными чехлами. Но чтобы крашенинная риза Святаго не казалась, при первомъ взглядѣ, большимъ темнымъ пятномъ среди этого блистательнаго обнесенія, то можно было бы вознести крестъ Патріарха Филоѳея такъ, чтобы онъ, окруженный бриліантовымъ сіяніемъ для сего устроеннымъ, сверкалъ на подобіе звѣзды предъ срединою ризы. Все бы это учредить въ большой залѣ; въ прочихъ же комнатахъ съ одинаковымъ приличіемъ расположить пелены, напрестолія и другія утвари, менѣе богатыя, но важныя по времени и именамъ державныхъ приносителей. Повторяю, надлежало бы достойно, въ торжественномъ видѣ, выказать святыню и сокровища, отъ Эдигея укрытыя, и особенною благодатію сохраненныя отъ Сигисмунда, Владислава и Наполеона. Чтобы осуществить эту мечту антикварія-патріота, возможно, думаю, разобрать одно изъ строеній, *на 390 саженяхъ* расположенныхъ (*), (только не заключающее въ себѣ важныхъ историческихъ напомнинаній), и, соединивъ старые мате-

(*) См. *Краткое историческое описаніе свято-Троицк. Сергіевы Лавры*, изданное въ 1796 году.

ріалы съ новыми, воздвигнуть святоотечественный Пантеонъ 33). Тамъ, указатель образованный, ознакомленный съ преданіями, словоохотливый любитель ихъ, замѣняя главнаго ризничаго, которому не всегда досугъ, и руководимый самымъ порядкомъ расположенія, могъ бы легко удовлетворить любопытствующихъ. Таковыхъ встрѣчалъ я еще въ первой молодости: они были изъ числа старцевъ, родившихся въ половинѣ второй четверти XVIII столѣтія; говорили съ чувствомъ, и, какъ святыню ими стрегомую, хранили въ памяти всѣ подробности преданій. Впрочемъ, долгомъ поставляю отдать справедливость и тому, который, въ этотъ мой пріѣздъ, показывалъ мнѣ драгоцѣнности Лавры; онъ не скучалъ, даже радовался любопытству посѣтителя, и приглашалъ меня еще разъ, и пристальнѣе, разсмотрѣть эту скрижаль вѣковъ, это сокровище Россіянъ.

Пойдемъ на ниву смерти, — посѣтимъ великихъ *бывшихъ*: Какъ много славныхъ дѣлами духовной и гражданской жизни, покрыты здѣсь землею священною! Какъ много этихъ именъ проникло въ Исторію! Кромѣ Св. Сергія и Никона, первыхъ основателей; кромѣ упомянутыхъ Серапіона, Іосафа Скрыпицина и Діонисія, здѣсь почили: Михаилъ, Епископъ Смоленскій, современникъ Св. Сергія, поставленный вмѣстѣ съ Стефаномъ Пермскимъ, и свидѣтель вѣнчанія на Царство Императора Мануила. Преставясь въ 1402 году, онъ былъ здѣсь первымъ знаменитымъ покойникомъ; но прошелъ

Эдигей — и не стало слѣдовъ Михаилова гроба; — Игуменъ Зиновій, преемникъ Св. Саввы, о которомъ Новгородскій старецъ Мисаилъ пророкъ: «Зрю «младенца, ознаменованнаго величіемъ: се игуменъ «Троицкой обители, Зиновій, креститъ его, именуя «Іоанномъ! Слава Москвѣ: Іоаннъ побѣдитъ Князей «и народы!» Сбывшееся предсказаніе 1440 года о возродителѣ Россіи нынѣ должно святиться могущественною царицею Сѣвера. — Зиновій былъ временнымъ примирителемъ Василія Темнаго съ ужаснымъ врагомъ его, Димитріемъ Шемякою 34); — Митрополитъ Ѳеодосій, преемникъ Св. Іоны, свидѣтель кончины и завѣщанія Василія Темнаго, и такъ начала нашего величія, и имѣвшій славу поставить въ Москвѣ Митрополита Востоку (древней Кесаріи): Рвеніе къ Вѣрѣ и чистотѣ нравовъ этого Пастыря, которому не соотвѣтствовало Духовенство той эпохи, заставило его съ горестію отказаться отъ Митрополіи; — Пансій, мудрый поборникъ Ростовскому Вассіану въ утвержденіи души Іоанна III, и такъ поборникъ ему въ возрожденіи Россіи, но смиренный, отрекшійся отъ сана Митрополита, когда властолюбивый Геронтій оставлялъ свой престолъ и удалялся въ Симоновъ; — Арсеній пустынникъ, давшій въ этой оградѣ пріютъ и могилу знаменитому Максиму-Греку, умоливъ о томъ Царя. Но вотъ и гробъ этого великаго старца горы Аѳонскія, — и мы, благоговѣйно входя въ часовню, слышимъ: «Преподобный отче Максиме, моли Бога о насъ!» Такъ, забывъ свои страданія, этотъ свѣтильникъ молится за Россію,

которую училъ и просвѣщалъ въ живѣ: «Рожденный въ Греціи, но воспитанный въ образованной Западной Европѣ, говоритъ Исторія, Максимъ учился въ Парижѣ, во Флоренціи; много путешествовалъ, зналъ разные языки, имѣлъ свѣденія необыкновенныя, пріобрѣтенныя въ лучшихъ Университетахъ и въ бесѣдахъ съ мужами просвѣщенными.» Удивленный богатствомъ нашей библіотеки, онъ замѣтилъ о рѣдкости многихъ книгъ, уже не находимыхъ ни въ Греціи, ни въ Италіи послѣ истребленія многихъ Латинскимъ фанатизмомъ; исправилъ наши духовныя; былъ истиннымъ просвѣтителемъ въ свое время,—и возбудилъ противъ себя зависть невѣждъ высокомѣрныхъ. Но это не воспретило ему быть правдивымъ, и неутверждать противнаго своей совѣсти: развода и втораго брака В. К. Василія. Удаленный отъ Двора, переведенный изъ заточенія въ здѣшнюю келлію, уже старецъ преклонный, онъ явилъ туже твердость и предъ Грознымъ, и изрекъ ему царственную истину, ознаменовавъ ее сбывшимся предсказаніемъ. Здѣсь почіетъ Архіепископъ Ростовскій, Никандръ, свидѣтель свѣтлыхъ дней Іоанна IV. Онъ видѣлъ весь рай души сего покорителя Царствъ, когда крестилъ его первенца, и былъ участникомъ въ дѣлахъ его мудрости (*);—но увидѣлъ и дни мрачные: слѣдовалъ съ другими Святителями и Сановниками вызывать Іоанна изъ Слободы Александровской, и ставилъ на Митрополію славнаго страдальца, Св. Фи-

(*) Онъ участвовалъ въ сочиненіи *Стоглава*.

лишна. Здѣсь опочилъ отъ труда великаго безсмертный Архимандритъ Іосафъ, предшественникъ Діонисія, герой-починальникъ святой Троицкой брани, шеснатцатимѣсячный щитъ Россіи! Кто, безъ земнаго поклона, отойдетъ отъ его гроба 35)?

Незабудемъ и отсутствующихъ прахомъ достойныхъ вскормленниковъ Троицкой обители: ихъ память правдиво можетъ упрекнуть въ молчаніи. Отсюда вышли 22 угодника Божіихъ, цѣлое племя Святыхъ, которыхъ Сергій роздалъ обителямъ, исполнившихъ Россію душецѣлебнаго ученія. Кромѣ славныхъ: Андроника и Ѳеодора Симоновскаго съ преемникомъ его Кирилломъ Бѣлоозерскимъ, и подругомъ сего, Ферапонтомъ; кромѣ Аѳанасія Серпуховскаго-Высоцкаго, Романа Киржатскаго, Леонтія Дубенскаго, и другихъ, какъ поразили бы сокрытыя отъ людей житія Сергіевыхъ учениковъ-молчальниковъ, изключая здѣсь почившихъ Михеевъ, Исаакіевъ, Никитъ, которые, спасая души свои, спасали и землю Русскую, тайно самолебствуя Святому 36)!—Назовемъ здѣсь нѣкоторыхъ; бывшихъ Троицкими игуменами: Здѣсь поучался Св. Савва быть свѣтильникомъ не одного Звенигорода, но также примѣромъ богодухновеннаго житія для всего Русскаго Христіанства 37); — здѣсь поучался славный Вассіанъ тому выспреннему, которымъ дышетъ его безсмертное посланіе къ Іоанну III 38);—здѣсь вдохновлялся Правовѣріемъ Симонъ, ревностный пособникъ сему Монарху въ истребленіи ереси;—здѣсь игуменствовалъ Порфирій: Воспитанный въ пустынѣ, говоритъ Исторія, онъ тор-

жественно заступился за послѣдняго Удѣльнаго Князя (Сѣверскаго), отягченнаго цѣпями; прогнѣвалъ тѣмъ Василія Іоанновича, и «сложивъ съ себя одежду игуменскую, удалился въ лѣсную пу-«стыню на Бѣлоозеро». — (Василій былъ правъ, дѣйствуя по системѣ Іоанна III. Мѣры были сообразны вѣку, жестоки, хотя въ послѣдствіи и доказалась ихъ благотворность, охранившая и нравственность и самую вѣру утвержденіемъ Единовластія; между тѣмъ, добродушные старцы не понимали и понять не хотѣли благовидной Великокняжеской политики, и думали, Русскіе Аристиды, что служащее къ земнымъ пользамъ Государства, но противусовѣстное, не благословится. Такъ мыслили и Максимъ-Грекъ и Симоновскій Вассіянъ о необходимомъ разводѣ Василія съ Саломоніей. За упомянутаго Сѣверскаго Князя вступался и Митрополитъ Варлаамъ, и оставилъ Святительство). За сими преданіе именуетъ цѣлую нить игуменовъ и Архимандритовъ Лавры, изъ коихъ большая часть опочили въ Митрополіяхъ и Архіепископіяхъ, куда возвели ихъ добродѣтели; одинъ изъ нихъ, Іосафъ (Новоторжецъ), умеръ на престолѣ Патріаршемъ, бывъ преемникомъ низложеннаго Никона.

Знаменитый въ новѣйшія времена Платонъ легъ въ устроенномъ имъ при городѣ Лавры, названномъ имъ Виѳаніею. Младенецъ, я видалъ его тамъ, сидѣвшаго подъ деревомъ; подъ тѣмъ же деревомъ видѣлъ его послѣ, уже маститаго старца, и думалъ: вотъ умный толкователь слова Божія сыну Екатерины, Ея Царедворецъ и славный духовный

Витія!—Хотя главный даръ его состоялъ въ звукахъ голоса и тѣлодвиженіяхъ, но они были неподражаемы. Отходившій отъ міра сего Іерархъ увѣнчалъ сѣдины свои краснорѣчивымъ писаніемъ къ Александру I, исполненнымъ патріотическаго жара и предвѣстія славы 39). Онъ сдѣлалъ многія поновленія, и соорудилъ новыя зданія въ Лаврѣ (жаль только, что стиль оныхъ не согласуется съ древнимъ, котораго слѣдовало бы держаться).—Но здѣсь, въ самой обители, въ Соборномъ храмѣ Успенія, лежитъ его преемникъ въ правленіи Митрополіей и Архимандритіей Троицкой, Августинъ, умудренный и свѣтомъ Вѣры и глубокимъ классическимъ ученіемъ. Онъ соединялъ ихъ съ даромъ слова, которымъ трогалъ слушавшихъ, и всегда тронетъ читающихъ его Рѣчи. Незабвенный скорбями и славою 1812 годъ явилъ въ немъ отличнаго Витію. Древніе своды перваго Московскаго храма еще отзываются его словомъ, крѣпившимъ сердца въ годину слезъ и крови, его хвалами Бога браней и утѣшительнымъ гласомъ къ утратившимъ своихъ милыхъ;—тамъ еще гремитъ онъ славою Лейпцигской побѣды и мира въ стѣнахъ Парижа; — онъ еще гремитъ и на Царской площади Кремля, гдѣ воины возвратили храмамъ святыя хоругви, бывшія щитами ополченія 40).

Здѣсь, обходя надгробные камни, Россіянинъ часто остановится съ невольнымъ трепетомъ въ сердцѣ: ему мелькнутъ имена Холмскихъ, Воротынскихъ, Ляпуновыхъ, Ржевскихъ, Голицыныхъ, Куракиныхъ, Салтыковыхъ, Бутурлиныхъ, Скопиныхъ-Шуйскихъ,

Пожарскихъ 41) — цѣлыя сотни именъ, славныхъ подвигами отчизнолюбія, славныхъ пролитіемъ крови за Вѣру, Царей и Царство. Здѣсь онъ остановится надъ гробомъ Кн. Димитрія Трубецкаго, и скажетъ: «Онъ былъ твердымъ стратигомъ, и радѣлъ отечеству, но однажды — и въ минуту для него рѣшительную, роковую, былъ предъ нимъ виновенъ,— виновенъ лишь въ томъ, что помнилъ распрю съ Пожарскимъ о старшинствѣ, когда рѣшалась судьба битвы, — правъ по всѣмъ законамъ военной подчиненности. Какъ бы то ни было, безъ Авраамія Палицына, склонившаго воиновъ его помочь Пожарскому, все бы погибло. Забудемъ это: они вступили въ Кремль разными воротами, но сошлись, какъ Русскіе, въ этомъ сердцѣ Москвы и Россіи.» Здѣсь лежитъ Князь Василій Голицынъ, товарищъ Филарета въ узахъ Польскаго плѣна, заставляющій потомство забыть многое, ибо ознаменовалъ послѣднюю эпоху жизни своей неустрашимою вѣрностію и страданіемъ. (Его тѣло было привезено изъ Польши). Здѣсь, можетъ быть, лежитъ и Кн. Андрей Голицынъ, славный мужествомъ въ 1607 и 1609 годахъ, а въ 1611 страдалецъ же! Можетъ быть, сюда привезены были останки Прокопія Ляпунова, *павшаго на гробѣ отечества*, и Ивана Ржевскаго, его личнаго врага, но *ставшаго между ими и ножами: ибо любилъ отечество* 42). Тутъ вѣроятно лежатъ и Герои осады: Кн. Григорій Долгорукій и Алексѣй Голохвастовъ, первые приступившіе къ *трапезѣ кровопролитной пить чашу смертную*. Послѣдній былъ оклеветанъ, безъ

сомнѣнія, по зломыслію измѣнниковъ, или по невѣжеству тѣхъ, которыхъ онъ удерживалъ отъ опрометчивыхъ порывовъ: Исторія оправдала его не однимъ молчаніемъ, но и невѣріемъ клеветѣ. (Ея не избѣгъ и безсмертный Пожарскій: зломыслію нѣкоторыхъ современниковъ приписали его замедленіе въ Ярославлѣ, не малости его средствъ, при неполномъ сборѣ войскъ и мятежныхъ несогласіяхъ онаго, но робости и даже нѣгѣ!) — Тутъ лежатъ и витязи не гремѣвшіе именами предковъ, богатыри всѣхъ званій, прославившіеся подвигами во время осады 43). Я искалъ твоего праха, инокъ-герой съ сѣдинами пожелтѣвшими, Аѳанасій Ощеринъ! — мнѣ слышался твой отвѣтъ на вопросъ Іерусалимскаго Патріарха: ты-ли, о старче старый! на войну исходилъ и начальствовалъ? — «Ей, Владыко святый! понужденъ быхъ слезами кровными». (Ихъ источала Россія!) и мнѣ видѣлось, какъ ты являешь Главѣ Православія свои тяжкія язвы, называя ихъ своими *будильниками* и *свинцовыми памятями* (*)!

Я поклонился—и кто не поклонится! — Шенну, великому Герою-страдальцу тѣхъ же временъ, и вспомнилъ страницы, въ которыхъ исторіографъ такъ сильно и трогательно изобразилъ осаду Смоленска. Прилично было бы означить *для всѣхъ*, какой прахъ здѣсь почіетъ. Я начерталъ бы на этомъ камнѣ: «*Граждане Смоленска сказали ему:*

(*) Это описано въ житіи св. Архимандрита Діонисія, вмѣстѣ съ пріѣздомъ въ Лавру Патріарха Ѳеофана.

не сдавай врагу вѣрнаго города: пусть наши жены и матери тамъ гибнутъ!—и Шеинъ, оставшись послѣднимъ воиномъ на стѣнѣ, отдалъ Сигисмунду одинъ пепелъ»! Не на лаврахъ, уготовленныхъ благодарностію Россіянъ, умеръ *Гекторъ Смоленска* (*): ешафотъ былъ ему одромъ смертныхъ.... Но, жертва клеветы и ошибки государственной, тѣнь велпкая! ты примирилась съ тѣми, которые столько благъ пролили на умиренную Россію. — Такъ, потомство моглобы урекнуть отца державнаго отрока въ томъ, что допустилъ, послѣ многихъ пстязаній, подвергнуть мучительнымъ допросамъ Святаго Діонисія, *выдать головою* Князя Пожарскаго *за распрю о мѣстахъ*, кажется—сыну Михаила Салтыкова!—допустилъ удалить на островъ Соловецкій Палицына, и осудить на казнь Шеина; но тѣни великихъ патріотовъ, повторяю, мирятся съ его памятію за воздвиженіе Россіи, за дѣла и совѣты полные державной мудрости и любви къ отечеству; мирятся съ памятію того, кто изъ темницы плѣнника писалъ къ Царю-сыну: «За меня ни пяди земли Русской не давать», — чей прахъ прилегъ достойно къ праху велпкаго Ермогена 44)!—Замѣтимъ, что сынъ умѣлъ быть справедливѣе и признательнѣе отца: онъ склонилъ старца-Патріарха просить тѣло Діонисія въ Москву для почетнаго отпѣванія, и самому священнодѣйствовать; — онъ не только удержалъ Князя Димитрія Пожарскаго въ Думѣ, но, по самый годъ его кон-

(*) Такъ называетъ его Польскій Историкъ, Кобержицкій.

чины, при отсутствіяхъ Царскихъ, оставлялъ его *намѣстникомъ Москвы* 45). Потомки Шеина были осыпаны милостями и отличіями, и внукъ его былъ щитомъ великаго внука Михаилова противъ Стрѣльцовъ на поляхъ Воскресенскихъ. По Авраамію Палицыну были посыланы вклады въ Соловецкую обитель.

Усмотрѣвъ это, замѣтимъ причины различія въ образѣ мыслей и дѣйствій между отцемъ и сыномъ: Одинъ, возмужавшій въ мятежахъ и престолохищеніяхъ, дѣйствовавшій во дни олигарическихъ и народныхъ сваръ, не могъ не обжиться съ чувствомъ зависти, съ укоренившимся памятованіемъ зла, съ привычкою встрѣчать неблагодарность, съ подозрѣніемъ въ оной и великихъ слугъ Престола, занятаго сыномъ. Другой, прямый Самодержецъ, не видавшій ужасовъ безначалія и смутъ, видѣвшій одни радостныя слезы умиреннаго народа, былъ добродушнѣе и правдивѣе. Отецъ не могъ забыть, что его собратъ и товарищъ въ Думѣ сѣлъ на тронѣ Іоанновомъ, постригъ и заточилъ его; собратья убили юнаго Ѳеодора и приняли Самозванца; собратъ низвергнулъ Лицедѣя, и занялъ тронъ; собратья выдали и этого врагамъ Россіи, — однимъ словомъ, имѣлъ причины бояться народной словутости нѣкоторыхъ лицъ и желать унизить великихъ своего времени. — Сынъ былъ чуждъ этихъ причинъ, думалъ, и справедливо, что онъ посланъ не отъ земли, но свыше; посланъ взирать на всѣхъ равно, казнить и миловать по дѣламъ, помнить заслуги и воздавать каждому по нимъ, а еще болѣе помнить спасителей *его* народа 46). Отецъ не вѣ-

рилъ усталости Россіи отъ мятежей: сынъ вѣрилъ ей вполнѣ, внимая дружнымъ благословеніямъ милліоновъ.

Еще разъ прошелъ я по погосту Лавры.... Едва ли сосчитаешь сподвижниковъ нашей славы двухъ послѣднихъ столѣтій: сколько же тутъ современниковъ Великокняженій, съ которыхъ вѣки и рука человѣческая смахнули слѣды могильные. (Многихъ и имена уже незвучатъ Русскому слуху). Сколько истлѣло тутъ знаменитости, притружденной панцыремъ или златоцѣпными гривнами, и опочившей подъ власяницею! Сколько земнаго шума тутъ замолкло 47)!

Шестнадцать мѣсяцевъ громились онѣ чугуномъ шестидесяти пушекъ! — вспоминалъ я съ умиленіемъ вѣрующаго и съ чувствомъ Россіянина, обозрѣвая стѣны, въ которыя не проникли ни Гирей, ни Сапѣга, ни Владиславъ, ни чума, ни полки Наполеона, ни холерная зараза! — Я не могъ вполнѣ удовлетворить своему желанію обойти, съ XII томомъ Исторіи, всѣ мѣста означенныя тамъ славными битвами и вылазками 1608 и 1609 годовъ: я пріѣзжалъ вовремя ярморки, продолжающейся двѣ недѣли послѣ Троицына дня. Отъ самыхъ стѣнъ обители до концевъ посада все было покрыто тѣснившимся народомъ, богомольнымъ и торговымъ,— и я лишь угадывалъ скаты горъ: Терентьевской, Круглой, Красной, и валъ отъ Келарева пруда до Глинянаго оврага, — мѣста, упитанныя кровію защитниковъ отечества.

Обходя стѣны Лавры, я замѣтилъ одну ихъ часть выбѣленною, и даже нѣкоторыя задѣлки знаковъ Польскихъ ядеръ, знаковъ святыхъ для патріота;—но другую часть ограды я нашелъ еще безъ поновленій (такъ было въ 1837 году), и радовался, что она еще хранитъ слѣды осаднаго сидѣнія. Тамъ, среди рвовъ и скатовъ, гдѣ земля кажется вся изрытою подвигами, еще видны твердыни натружденныя упорными и продолжительными битвами; тайники, перекопы, закладки проломовъ, произведенныя подъ градомъ картечь и ядеръ, летавшихъ изъ обширныхъ, еще видимыхъ окоповъ Сапѣги и Лисовскаго. — Я радовался уцѣленію этой части стѣны отъ руки повиновителей.

Признаюсь, всякое древнее зданіе, выбѣленное, или неискусно испещренное новыми малярами, всегда казалось мнѣ какъ бы искаженнымъ. Такъ смотрѣлъ я на выбѣленный храмъ Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ;— я сожалѣлъ объ утраченномъ имъ величіи, которое столѣтія положили и на цвѣтный его видъ въ дымчатомъ, какомъ-то неопредѣленномъ колоритѣ. Къ тому же этотъ колоритъ счастливо обманывалъ зрѣніе, казалъ его отдаленнѣйшимъ нежели дѣйствительно былъ онъ отъ зрителя, и тѣмъ придавалъ ему болѣе величія.—Боюсь, думая, что равная участь ожидаетъ и башни Симонова, къ которымъ приставляютъ теперь нѣчто весьма высокое: желательно, чтобы оно не разрушило того кумметрическаго согласія, которымъ эта обитель дивитъ въ своемъ полномъ объемѣ и знатоковъ архитектуры и любителей отечественныхъ древно-

стей 48). — Поновленія внутренностей древнихъ храмовъ также возмущаютъ душу непріятнымъ чувствомъ, отнимая у нихъ таинственность священнаго мрака и напоминанія о минувшемъ: тамъ уже не будетъ его свидѣтелей, краснорѣчивыхъ для ума и сердца.—Писатель, одаренный великимъ талантомъ, Шатобріанъ, выразилъ эту мысль въ чертахъ истинно пламенныхъ: онѣ заключаютъ въ себѣ одно изъ лучшихъ мѣстъ его безсмертнаго творенія 49).

Я оставилъ Лавру вечеромъ, проведя въ ней цѣлый день. Мое прощальное поклоненіе было съ горы Волкуши. Тамъ я вспомнилъ одну изъ страницъ Карамзина, еще не историка, украшенную воспоминаніемъ объ этомъ священномъ холмѣ,— и вотъ что ожило въ моемъ воображеніи: Предо мною вознеслись четыре великія тѣни: Діонисій, среди иконъ и хоругвій, съ крестомъ и кропиломъ въ рукахъ воздѣтыхъ надъ главою; за нимъ старецъ-герой, Авраамій Палицынъ; — къ нимъ смиренно подступаютъ Князь Пожарскій и Косма Мининъ, поднося мечи свои къ воспріятію ихъ благословенія; весь отлогій покатъ горы занятъ послѣднею надеждою тогдашней Россіи—дружинами, обрекшимися на смерть или побѣду. — Мнѣ видѣлось, какъ попутный вѣтръ порываетъ знамена, и полки, оживленные предвѣстіемъ, спѣшатъ летѣть на очищеніе Москвы! — Вотъ мѣсто, подумалъ я, достойное хоть скромнаго монумента! Крестъ и кропило, положенные на мечь и знамя, на которомъ было

бы начертано: *Съ вышними призираяй, убогія пріемляй*, и пр. 50); барельефъ съ изображеніемъ дѣйствія, и надпись: *1612 годъ* сказали бы довольно, знаменуя благодарность потомства. На другомъ холмѣ желалъ бы я видѣть памятникъ Князю Михаилу Скопину-Шуйскому, заставившему Ляховъ снять осаду Троицкой Лавры. Тамъ шлемъ, положенный на бердышъ и мечь съ надписью: *Рано угасшей надѣждѣ Россіи, Князю, Михаилу Скопину-Шуйскому, освободителю Лавры въ 1610.* Пріятно и полезно размножать отечественные памятники, особливо напоминающіе столь славную эпоху нашей исторіи. — «Она безславна» — скажутъ завистники Россіи и ихъ питомцы, указывая на мятежи и измѣны. Спросимъ-же: Не малымъ ли числомъ героевъ славились Греція и Римъ, которымъ дивиться заставляютъ *нашихъ* юношей? Не должна ли славиться страна, гдѣ совершились обращенія на стезю правую Ляпуновыхъ, Гагариныхъ, Голицыныхъ (едва ли и преждѣ виновныхъ, ибо въ туманѣ столь общихъ смутъ, ихъ первыя дѣла могутъ почесться однѣми ошибками), и гдѣ неслыханные примѣры доблести не только выручили ихъ имена, но и покрыли вѣнцами безсмертія? — (не Ветуріи обращали этихъ Коріолановъ, но общая имъ мать-Россія). Не должна ли славиться она Ржевскими, которые, любя отечество, умерли за личныхъ враговъ своихъ? — Мининымъ, которые, забывъ корысть и званіе простолюдина, все отдали этому отечеству, приговорили продать домы, заложить женъ и дѣтей, и сами пошли въ бой спасе-

нія? Скопинымн и Пожарскими, которые, совершивъ дѣло избавленія, отреклись отъ Царскаго вѣнца, изъ праха и крови ими изнятаго? Филаретами, Іосафами, Діонисіями, Аврааміями, Ермогенами, которымъ (особенно послѣднему) нѣтъ подобныхъ ни въ какой Исторіи? Шеиными, и тѣми Дѣтьми Боярскими, которые допустили женъ и матерей сгорѣть въ Смоленскѣ, чтобы не сдать своего вѣрнаго города? Шереметевыми, не опускавшими меча; Волконскими, умѣвшими славно умереть, когда все около нихъ пало; мужами Думы и вождями ратными; воеводами многихъ городовъ, которые лучше согласились быть вергнутыми съ башенъ или распятыми, нежели измѣнить отечеству 51)? — Преданіе отвѣчаетъ на это кликомъ славы, а столѣтія вторятъ ему восторженнымъ изумленіемъ, ибо дѣла этихъ подвижниковъ затмѣваютъ Леонидовъ, Регуловъ и Сцеволъ.

Такъ мыслилъ я на горѣ Волкушѣ, — и благословлялъ память предковъ, сподобившихся ратовать въ эту годину скорбей и подвиговъ едва имовѣрныхъ 52)!

Вотъ послѣдняя моя мысль на возвратномъ пути изъ Лавры: Желательно, чтобы число книгъ и книжичекъ, продаваемыхъ въ ея часовняхъ, умножилось подробнымъ историческимъ описаніемъ всѣхъ достопамятностей, въ ней хранимыхъ, ея ризницы, ея зданій и окрестныхъ мѣстъ. Палицынъ преложенный Карамзинымъ; Житіе Св. Діонисія, и сказанія о всѣхъ подвигахъ Лавры къ избавленію или

славѣ земли Русской украсили-бы конецъ этой книги, полезной и для посѣтителей-простолюдиновъ и для нѣкоторыхъ малообразованныхъ Россіянъ высшаго класса. Одни положилибы еще болѣе поклоновъ, найдя въ этомъ истолкованіи болѣе предметовъ поклоненія; другіе также увеличили-бы въ себѣ чувство набожности и отчизнолюбія, узнавъ трогательныя подробности своей Исторіи 53).

Вечерніе лучи отражались на крестахъ Сергіевыхъ храмовъ; густой звонъ *Годунова* разливался и замиралъ въ долинахъ, зовя ко всенощной, и золотая глава, осѣняющая гробъ Святаго, тонула въ чащѣ лѣса, когда я въ послѣднее поклонился и повторилъ: «Ты, яко солнце отечеству возсіявшій! «поминай чтущихъ пресвѣтлую память Твою» 54).

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1). Исторія многими случаями доказываетъ, какъ важно сохраненіе древнихъ мѣстныхъ названій. Одинъ совершился на нашей памяти: Революція, перечертивъ карту Франціи, замѣнивъ древнія названія именами Департаментовъ, которыхъ и самый педантъ Географіи не упомнитъ, уничтожила всѣ воспоминанія трогавшія сердца Французовъ; — и когда наши войска обложили предѣлы Франціи, Наполеонъ, воскрешая старину въ своихъ воззваніяхъ, думалъ двинуть народъ именами прежнихъ Провинцій; но въ этихъ звукахъ уже не было талисмановъ: новое поколеніе слушало имена Дофине, Пуату, Шампаній, Нормандій, какъ будто говорили ему о какихъ нибудь Индейскихъ областяхъ, и не двигалось. До Революціи, этого плода всемертвящаго мудрованія, имена *Сент-Дени* и *Лоретты* были сильны въ народахъ Юго-Запада. Какихъ чудесъ не творили эти звуки, оглашая витязей и богатырей? Сколько сердецъ обратили они на путь правый? Сколько надеждъ земныхъ и небесныхъ питали и благословляли? Подобныя имена и памятники ими освященные давно соединяютъ въ себѣ три понятія, или, лучше сказать, три чувства: набожность, патріотизмъ и царелюбіе. Лѣтописцы Новгородскій или Псковскій не могли любить, какъ родину, отдаленный отъ нихъ Кіевъ, но смачивали слезами хартію описывая утрату онаго: они

плакали о Великой Печерской, о святыхъ подземельяхъ, гдѣ почило столько праведныхъ. — Когда у насъ уже не было ни Царя ни царства: «умереть мнѣ у гроба Пафнутіева; не отдамъ его!» сказалъ Волконскій, бился одинъ съ толпами Ляховъ, и палъ у мощей. То же слiяніе чувствъ, тѣ же порывы производили неимовѣрные подвиги при осадѣ Лавры. — Толковники XIX вѣка спросятъ: какъ можно было назвать Троицу *Сергіевой*? — На это отвѣчать не трудно: Когда зачиналась обитель, тогда *поклониться Святой Троицѣ* значило ѣхать или итти во Псковъ (другихъ словутыхъ Троицкихъ храмовъ не было, а Смоленскій монастырь этого имени былъ въ рукахъ Литовцевъ), и такъ, сокращая названіе новой обители, и отличая ее отъ другихъ сименныхъ храмовъ, говорили: Троица *Сергія*, что и осталось въ народѣ. Въ Италіи есть храмы во имя Богоматери съ такимъ же прибавленіемъ имени Святаго.

2). Извѣстно, что *Сухарева Башня* есть памятникъ, воздвигнутый Петромъ Великимъ начальнику Стрѣлецкаго полка, пребывшаго вѣрнымъ среди ужасовъ крамолъ и возмущеній. — Чего небыло послѣ на *Сухоревой башнѣ?* — училище Математики и Навигаціи (колыбель Морскаго Кадетскаго Корпуса); — лабораторія и библіотека славнаго Брюса, которыхъ добрые Москвитяне долго боялись какъ гнѣзда чародѣевъ, гдѣ составлялась *живая вода* или безсмертный элексиръ, и сочинялся *Столѣтній Календарь* съ предсказаніями; — общество какого то Ордена, котораго главами будто были Фельдмаршалъ Шереметевъ и Брюсъ; — хранилище кораблика *Миротворца*, построеннаго для торжества мира съ Шведами, и возимаго на саняхъ по Москвѣ въ 1721 году, а въ 1744, при такомъ же торжествѣ, на колесахъ; — наконецъ, мастерская нашихъ Суздальскихъ или лубочныхъ граверовъ на деревѣ, листами которыхъ наставлялись

Россіяне, сперва всѣхъ возрастовъ и званій, а потомъ лишь младенчество и простонародіе (*). Теперь, чрезъ эту башню проходитъ, не Брюсовская, но прямо *живая вода* для Московскихъ жителей. — Касательно храма *Адріана и Наталіи*, многимъ извѣстно, что онъ сооруженъ Царицею Натальею Кирилловною (нынѣ главный престолъ въ немъ во имя Петра и Павла). — Ботаническій садъ, на той же улицѣ, учрежденъ Петромъ Великимъ для аптекъ.

3). Всѣ четыре Мещанскія слободы до начала или половины XVII столѣтія принадлежали Троицкой Лаврѣ подъ именемъ Троицкаго подъѣзжаго подворья, отъ котораго осталось нынѣ мѣсто прибыванія Митрополитовъ, на 7-ми десятинахъ земли расположенное.

4). «Рука невѣжды (такъ справедливо называетъ Архимандрита Ефрема почтенный біографъ Пожарскаго) сдвинула съ мѣста (въ 1765 или 1766) камень, и изгладила начертанное на немъ имя незабвеннаго.»

Словарь достопамятныхъ людей, составленный Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ. Томъ IV, стр. 163.

5). O Versailles! ô regrets! o bosquets ravissants,
Chef-d'œuvre d'un grand roi, de le Nôtre et des ans!
La hache est à vos pieds, et votre heure est venue, и проч.

Les Jardins, poëme.

Конечно Лефортовскія деревья были срублены не въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ расположена извѣстная *бесѣдка*, на столбѣ которой нѣсколько времени видѣлась надпись карандашемъ:

(*) Можно полагать, что эта мастерская была переведена туда отъ Успѣнья *въ Печатникахъ*.

Отечество! храни сей памятникъ священный:
Противоборствуя и смертнымъ и судьбѣ,
И здѣсь почія утомленный,
Великій думалъ о тебѣ!

Но я желалъ бы видѣть сохраненными *всѣ* деревья Лефортова, гдѣ нѣтъ тропинки, на которую бы не ступалъ Петръ Великій.

6). Экономы-теоретисты замѣтятъ, что молодятникъ скоро отпрыскиваетъ по срубленіи стараго лѣса; но, при всей этой правдѣ, трудно удержать нерадивыхъ крестьянъ, вообще мало заботливыхъ о судьбѣ своего потомства, отъ срубленія отпрысковъ и уношенія домой ста будущихъ деревъ въ одной охабкѣ, вмѣсто того чтобы вырыть пень или набрать сушняку; да если бы мы и успѣли въ этомъ, трудно сохранить молодой лѣсъ отъ прогона скота, который, напавъ на него, сорветъ почки съ осинника, липокъ и дубняка (послѣдній такъ важенъ, что несмотря на прежнюю лѣсистость Россіи, Петръ Великій *сѣялъ* его). Стадо, пробывшее нѣсколько тамъ часовъ, можетъ истребить надежду на существованіе значительной рощи, оставя одинъ березникъ по горькой смолянисти его почекъ; а это стадо будетъ стеречься тѣмъ же крестьяниномъ, который и дрова, какъ я сказалъ, беретъ безъ разбору (*). Скажу, въ добавокъ, что, несмот-

(*) Мнимые филантропы, въ началѣ столѣтія, объясняли эту нерадивость состояніемъ крестьянъ въ помѣщичьемъ владѣніи; но очевидность есть лучшее доказательство противнаго: исключая большія отхожія засѣки, лишь около помѣщичьихъ селъ видны еще лѣса и рощи. Тоже самое видимъ и въ удобреніи земель, которыя, состоя во владѣніи крестьянъ, удобряются *по приказу* помѣщиковъ, — однимъ словомъ, во всемъ, что предполагаетъ будущее, требующее жданія и терпѣнія. Не находя нужнымъ распространяться о предметѣ, столь полно объясненномъ Исторіографомъ въ превосходномъ его

ря на краснорѣчивое разсужденіе Бюффона *о вознаградительной способности природы*, безпрестанно борющейся съ силою истребляющею, могу указать на сердцевинную трухлявость новыхъ деревъ, выросшихъ на томъ же грунтѣ, трухлявость, которой нѣтъ въ старыхъ, крѣпкихъ какъ кость. Истощеніе ли самой природы, или какой нибудь переворотъ въ физическомъ мірѣ, подѣйствовавшій на царство растеній, тому причиною — не знаю. Если примѣнить это къ натурѣ человѣческой, то мы читаемъ въ лѣтописяхъ, что, послѣ такаго то мороваго повѣтрія, *люди маловѣчни и худи и щадушніи начаша быти*. Такіе же перевороты, смѣю думать, были и въ царствѣ растеній; — и такъ нужно беречь вѣковыхъ стариковъ этого царства. Прибавлю еще, что оплошность нашихъ поселянъ (при выгребаніи изъ печей золы, топленіи овиновъ, сушкѣ льна и хлѣба) производящая частые пожары, ежегодно способствуетъ уничтоженію старыхъ лѣсовъ. Полуфранцузская молодежъ скажетъ: пожары усиливаются въ деревняхъ отъ соломенныхъ кровель: для чего не кроютъ они своихъ избъ тесомъ? — Отвѣчаемъ: тесъ также горитъ при близости сильнаго пожара, и такой матеріалъ причинилъ бы новый ущербъ въ лѣсахъ, стоющій пожара; ибо, кромѣ двухъ горбылей, почти ни

твореніи, а также и въ его *Письмѣ сельскаго жителя* и другихъ патріотическихъ статьяхъ, приведу только одно обстоятельство въ примѣръ всеобщей простолюдной нерадивости: Въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра I повелѣно было садить деревья по большимъ дорогамъ. Я былъ свидѣтелемъ трудовъ крестьянъ, сажавшихъ и за нѣсколько верстъ приходившихъ поливать эти деревцы, — и что же я заставалъ послѣ? — самые тѣ, которые такъ много въ этомъ трудились, ломали ими насаженные штампы, чтобы — стягнуть по лошади! хотѣли было учредить караулы; но суровость климата и большія разстоянія между деревень сдѣлали это невозможнымъ.

къ чему не нужныхъ, выдетъ изъ бревна неболѣе пяти тесницъ. — Однимъ словомъ, цѣны дровъ по городамъ и даже селамъ суть ясныя подтвердители здѣсь изложеннаго (Не говорю уже о нѣкоторыхъ новыхъ заведеніяхъ, поглощающихъ остатокъ лѣсовъ). Мы должны быть признательны благодѣтельному Правительству, отечески о насъ пекущемуся, за укрощенія отъ порубокъ молодаго лѣса при празднованіяхъ Семика: оно уже старается замѣнить этотъ ущербъ разведеніемъ садовъ и учрежденіемъ народныхъ гульбищъ подлѣ городовъ, гдѣ каждый мещанинъ и мастеровый, не рубя дерева съ корня, можетъ справлять древнее повѣрье предковъ.

7). Послѣ долгаго замѣдленія, начатыя водопроводныя трубы прочистились, и продолжились при Александрѣ I; но цѣль предпріятія была достигнута уже въ концѣ его царствованія; довершеніе исполнилось при нынѣ царствующемъ Государѣ. Касательно упомянанія здѣсь о монументѣ Героямъ спасенія, а также и о Кремлевскихъ садахъ, смотр. статьи Карамзина: *О любви къ отечеству и народной гордости, и Записки стараго Московскаго жителя.* Я украсилъ этимъ *Рѣчь въ память Историографа, произнесенную въ Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ, 1827-го года.* (Она напечатана въ книгѣ: *Отечественная Галерея томъ II, стр.* 229 *и* 234). Одинъ изъ знакомыхъ сказалъ мнѣ однажды: «Карамзинъ ваша Лаура.» Я не могъ отвѣчать: « Se non è vero è ben trovato » — потому что *è vero*, потому что я прямо Русскій, и оплакивалъ въ немъ, вмѣстѣ съ Россіею, не *il verde Lauro*, но *l'alta Colonna* (*).

(*) Петрарка, въ стихѣ:

Rotta è l'alta colonna e il verde lauro!

дѣлаетъ примѣчаніе къ двумъ утратамъ сердца: къ кончинамъ почтеннаго Колонны и своей Лауры.

8). Глубокомысліе, стремленіе къ полезному и любовь къ отечеству были замѣчаны въ Карамзинѣ еще до появленія первой строки Исторіи. Вотъ что разсказывалъ мнѣ его другъ, покойный И. И. Дмитріевъ: «Въ 1811-му году, Императоръ Александръ I. удостоилъ сказать мнѣ: «Я видѣлъ Карамзина лишь мелькомъ, въ профиль, при «одномъ торжественномъ молебнѣ въ Соборѣ; мнѣ ука«зала его сестра (*). Желаю съ нимъ *сблизиться*. Ты съ «нимъ друженъ: напиши, чтобы онъ пріѣхалъ въ Тверь; «я тамъ буду у сестры. Я читалъ съ большимъ вниманіемъ все, что онъ писалъ: онъ умѣетъ мыслить и чув«ствовать.» (Извѣстно многимъ, что въ Твери Карамзинъ въ первый разъ представился покойному Государю, и читалъ Ему мѣста изъ Исторіи, о которыхъ упоминаетъ онъ въ посвятительномъ письмѣ, припечатанномъ къ 1-му тому *Исторіи Государства Россійскаго*; добавимъ, что здѣсь начало тому неизмѣнявшемуся благоволенію, котораго Александръ удостоилъ писателя, и той *благородной, безкорыстной привязанности* (**), которая заставила Карамзина скоро послѣдовать за отшедшимъ Монархомъ).

9). См. писателей о древнѣйшемъ зодчествѣ, современномъ, не только Мавританскому и Готическому, даже Греческому и Этрурскому, и современномъ пагодамъ Индіи и Еллинскимъ храмамъ первыхъ вѣковъ. — Не знаю, кто чертилъ планъ Ивановской колокольни для Годунова; но замѣтимъ, что и знаменитый нашъ архитекторъ, Г. Тонъ, не отклонялся отъ ея простой и величественной формы, чертя планъ Симоновской.

(*) Покойная Великая Княгиня и Королева Екатерина Павловна.

(**) Слова незабвеннаго, безсмертнаго Рескрипта нынѣ царствующаго Государя Императора, отъ 15 Мая 1826 г.

10). Въ Москвѣ видны еще старинныя колокольни, изъ которыхъ можно было бы выбирать архитектору и позднѣйшихъ временъ; можно былобы взглянуть и на колоколню Успенскаго храма на Покровкѣ. Она не видна лишъ потому, что затмѣваетъ ее самый храмъ, которому и славный Баженовъ и всѣ знатоки въ архитектурѣ дивились и дивятся. Самая Готическая часовня надъ св. колодяземъ, въ Лаврѣ, если съузить ея ширину пропорціонально гигантическому возвышенію, была бы однимъ изъ лучшихъ образцевъ. Я всегда любовался этимъ памятникомъ временъ Царей Алексія или Ѳеодора. Италіянецъ Растрелли строитель Троицкой колокольни, оставилъ намъ лучшее произведеніе своего таланта: купомъ надъ Спасителевымъ Гробомъ въ обители Воскресенской, достойно названной Новымъ Іерусалимомъ; но и тамъ вся внутренность величественнаго зданія полна орнаментовъ прозванныхъ *рококо!* Орнаменты этого рода приличны лишъ дворцамъ, и напоминаютъ намъ счастливые дни царствованія Елисаветы, но совсѣмъ не приличны древнимъ храмамъ. Растрелли имп же украсилъ внутренность и Троицкаго дворца, построеннаго еще для Петра Великаго (см. прим. 31); но тутъ онъ избѣгнулъ анахронизма: *рококо* было современнымъ и Петру Великому (*).— Нѣкоторые увѣряли, что оно почерпнуто изъ Византическаго стиля украшеній; но прилежный наблюдатель скоро увидитъ, что оно, какъ небо отъ земли, отстоитъ отъ

(*) При всемъ несогласіи упомянутыхъ приличій, нельзя отказать въ справедливой хвалѣ этому архитектору: онъ былъ одаренъ умомъ, воображеніемъ и чувствомъ грандіознаго, какое только могло проглядывать въ вѣкѣ разнаго рода завитковъ и уклоненія отъ изящнаго: Зимній дворецъ, Смольный монастырь и вышесказанный куполъ въ Новомъ Іерусалимѣ свидѣтельствуютъ о дарованіяхъ Растрелли.

испещреній, мѣлкой рѣзьбы скаинаго дѣла Византійцевъ. Чтобы увѣриться въ этомъ, стоитъ взглянуть на какой нибудь древній иконостасъ, вѣрное имъ подражаніе, гдѣ форма и мѣлкорѣзное убранство царскихъ дверей и перваго яруса дивятъ и ослѣпляютъ взоръ, гдѣ остальное, соображаясь съ ними, возвышается и скрываетъ олтарь, придавая ему таинственную мрачность: тамъ все это узорочіе, обнятое въ цѣломъ, внушаетъ какойто трепетъ, сліянный съ молеинымъ чувствомъ. Когда Царь-Градскій храмъ Святыя Софіи обратился въ мечеть Лжепророка, Османы, истребивъ лишъ одно неприличное своему вѣрованію, старались придерживаться его первобытнаго вида, и истребленное замѣнили такими же украшеніями въ Арабскомъ вкусѣ. Я разсматривалъ вѣрнѣйшій снимокъ его внутренности въ самомъ подробномъ рисункѣ, гдѣ не одни уцѣлѣвшіе Херувимы напоминали мнѣ о древнемъ Христіанскомъ храмѣ, — и, признаюсь, я чувствовалъ болѣе желанія молиться, нежели предъ иконостасными украшеніями во вкусѣ *рококо*, или въ свѣтлыхъ пантеонахъ, которыхъ видъ придумали было дать нашимъ храмамъ въ концѣ протекшаго и въ началѣ текущаго столѣтія, забывъ, что онъ приличенъ лишъ веселымъ и чувственнымъ божествамъ древней Аттики. (смотри *Примѣчаніе* 50). Россія одна, но къ сожалѣнію, уже рѣдко, являетъ образцы Византійскихъ храмовъ (*).

Здѣсь кстати замѣтить, что мода въ украшеніяхъ до-

(*) Извѣстный Александръ Дюма, бывъ въ Синайскомъ древнѣйшемъ монастырѣ Св. Екатерины, почелъ эти украшенія Русскими:

« Les ornements de l'autel, d'une richesse extrême et très nombreux, sont presque tous d'origine ou de forme russe. »

Quinze jours au Sinai, Tom. II, Chapitre IV.

(Замѣчано въ послѣдствіи).

мовъ, недавно возвратившая намъ орнаменты во вкусѣ *рококо*, уже успѣла отдвинуть насъ ко вкусу среднихъ вѣковъ съ названіемъ *renaissance*. Впрочемъ, оба не дурны, но только на своихъ мѣстахъ, размѣщаемые съ приноровкою. Пріятно встрѣтить первый тамъ, гдѣ желаешь вспомнить своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ; но тамъ, гдѣ все должно говорить о древнѣйшихъ предкахъ, воскрешать ихъ бытъ, напоминать о ихъ набожности, и вдохновляться такою же, слѣдуетъ держаться втораго. — Ни тотъ ни другой, однакоже, не приличны нашимъ частнымъ домамъ, бесѣдкамъ, будуарамъ, свѣтлицамъ и чердачкамъ: тамъ они какъ насмѣшка надъ минувшемъ. Первый идетъ къ чертогамъ, послѣдній къ внутренностямъ храмовъ Западныхъ странъ, и вообще къ ихъ монументальной архитектурѣ, нашимъ же храмамъ и народнымъ памятникамъ приличнѣе всего древній Византійскій, при счастливомъ соединеніи съ нашимъ древнимъ. Я сказалъ: «при счастливомъ соединеніи» и долженъ упомянуть объ этой исторической случайности. Послѣ паденія Римской Монархіи, гдѣ варвары истребили всѣ слѣды изящнаго, Западнымъ народамъ неоставалось болѣе ничего, какъ взяться, въ архитектурѣ, за Мавро-Готическое, — въ живописи (и то уже въ XIII вѣкѣ) за Византійское, образовавшее ихъ школу св. Луки: этимъ ознаменовался ихъ стиль *возрожденія* (renaissance). Такъ было на Западѣ, когда Византія еще цвѣла, снабжала насъ произведеніями своихъ искусствъ, и учила нашихъ зодчихъ, иконописцевъ (*), мозаистовъ, рѣщиковъ и мастеровъ сканнаго дѣла, которые, въ XII и XIII вѣкахъ поровняли Кіевъ съ Царемъ-Градомъ; и все это длилось, у насъ до Татаръ, а у самихъ Грековъ до Магомета II. Эпоха Іоанна III, то есть, свержения Могольскаго ига, была *на-*

(*) Въ томъ числѣ нашего славнаго Алимпія.

шимъ возрожденіемъ. Слѣдовалобы снова взяться за Византію, — но тамъ уже были Турки. Іоаннъ, Геронтій и умные Казначеи, Ховрины, которыхъ отецъ, Григорій, соорудилъ столько храмовъ въ Москвѣ, обратились къ землѣ Фряжской (Италіи), которая, какъ я уже сказалъ, сама выходя на свѣтъ, имѣла въ предметѣ одно Мавро-Готическое. Съ посломъ нашимъ, Толбузинымъ, встрѣтился умный, можно сказать, геніальный Фіеровенти-Аристотель. Прибывъ къ намъ, онъ объѣхалъ нѣкоторые края Россіи, осмотрѣлъ у насъ памятники Византико-Русской архитектуры, болѣе уцѣлѣвшіе отъ Моголовъ, слилъ все это съ своимъ, тогда для него классическимъ,— и оставилъ памятники этого смѣшенія въ храмахъ Кремля и его башняхъ. Алевизы отклонились отъ его стиля, вводя почти одинъ Готическій, чего памятникъ храмъ Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ и многіе другіе. Строитель Василія Блаженнаго отклонился еще болѣе, составивъ Готико-Индійскій. Нынѣ, къ счастію, начинаютъ понимать Фіеровенти, — и когда я смотрю на новый планъ Спасителева храма, и на воздвигнутый уже обелискъ Бородинскаго поля, мнѣ видится въ туманѣ четырехъ вѣковъ его тѣнь, подающая руку нашимъ новѣйшимъ зодчимъ.

11). Церковныя главы, вообще имѣющія видъ маковыхъ головицъ, еще прежде основанія этой обители назывались маковицами; по сему и здѣшній разсадникъ святолѣпія назвался *маковцемъ*, то есть садомъ или огородомъ, въ которомъ виднѣются маковки (*). Глава Троицкой деревянной церкви могла превышать тогда всѣ окрестныя:

(*) Древлѣ обращали слова въ уменьшительныя окончаніемъ на *ецъ*: такъ малый городъ (крѣпость обнесенная стѣною или тыномъ) былъ городецъ, малый ларь — ларецъ, малый прудъ — прудецъ, малый лугъ — лужецъ, и маковый садикъ обращался въ маковецъ.

въ Радонежѣ и Хотьковѣ были вѣроятно храмы низкіе, односрубные, какіе долго видѣлись кой-гдѣ по уѣзднымъ городамъ и въ XVIII столѣтіи; въ Москвѣ Крутицкій, и не болѣе двухъ или трехъ въ Кремлѣ, были каменные; Даніиловскій, деревянный, но всѣмъ соображеніямъ не могъ ровняться съ Троицкимъ, котораго маковица, сквозивъ лѣсные пролеты, показывалась богомольцамъ къ нему подходившимъ. Какъ бы то нибыло, скорѣе можно признать именованіе *въ Маковцѣ* согласно этой догадкѣ, нежели отнести его къ мѣстоположенію, которое хотя и заключаетъ въ себѣ холмики, видимые внутри ограды, но не такъ значительные, чтобы назвать который нибудь изъ нихъ *маковцемъ*. Въ *Истор. описаніи Троицк. Лавры* сказано, что самый Сергіевскій храмъ слыветъ *маковкою*, и это подтверждаетъ нашу догадку.

12). См. *Путешествіе по Св. мѣстамъ Русскимъ* Г. Муравьева, гдѣ описаны пріѣзды въ Лавру Патріарховъ Константинопольскаго Іеремія, и Іерусалимскаго Ѳеофана, посыланнаго отъ всѣхъ Вселенскихъ. (Это примѣчаніе написано послѣ, когда авторъ уже прочиталъ упомянутую книгу).

13). «Ты далъ мнѣ средство къ покаянію», сказалъ Темный Шемякѣ. Исторія повѣствуетъ, что въ слѣпотѣ онъ оказывалъ болѣе государственной прозорливости, нежели преждѣ, являя себя достойнымъ уготовителемъ великихъ дѣяній сына. Жизнь этаго Монарха тѣмъ болѣе интересна для меня, что онъ приютилъ и облагодѣтельствовалъ моего родоначальника, выѣхавшаго къ нему за 5-ть лѣтъ до его ослѣпленія, и наградилъ его, въ 1441 году, сверхъ отчинъ въ Коломнѣ (*), грамотою *тарханною* или *несудимою*.

(*) Коломенскія села жаловались тогда однимъ Сановникамъ или любимцамъ; область включала въ себѣ, кромѣ своего, большую часть

14). Кто не слыхалъ или не читалъ о славной битвѣ К. Пожарскаго у Введенія на Лубянкѣ? Тамъ стоялъ онъ цѣлый день сражаясь и туша пламя, которое возобновляли зажигатели, до тѣхъ поръ, какъ, обозженный и изнемогшій отъ множества ранъ, упалъ за-мертво. Чрезъ 200 лѣтъ, принесенъ былъ къ этому-же Гробу герой, равный доблестію, но менѣе его счастливый, Князь Багратіонъ, сраженный въ Бородинской битвѣ, и уже не возставшій.

15). «Русскіе, говоритъ Карамзинъ, были тогда сиротами: не имѣли Государя, и сражались за одну Россію,» — вотъ почему Князь Пожарскій называлъ людей *нашими*, а грады *Божіими*. — Село Пурихъ принадлежитъ нынѣ Графинѣ Мамоновой. Кстати, повторю здѣсь уже сказанное мною (въ книгѣ: *Отечественная Галлерея.*) Жители села Пурихъ, въ 1812 году, заставили начальниковъ Губерніи и всего Нижегородскаго ополченія дать имъ клятву въ томъ, что послѣ войны они возвратятъ имъ знамя Князя Димитрія Михайловича, хранимое ими какъ святыню въ ихъ сельскомъ храмѣ. Никакая исторія не представитъ намъ подобной картины, подобнаго примѣра народной признательности! — Этому произшествію была свидѣтельница сосѣдка села Пурихъ, Кн.

уѣздовъ Серпуховскаго, уже входившаго въ составъ Великокняженія, и Бронницкаго; городъ былъ первымъ по Москвѣ: тамъ долго проживалъ Дворъ, и тарханная грамота выѣхавшему изъ Литвы родоначальнику моему Семену *Писарю* (бывшему тямъ Государственному секретарю), помѣчена *на Коломнѣ*. Я не могъ доискаться почему онъ оставилъ прежнее имя фамиліи, ибо онъ имѣлъ какое нибудь подобно писарямъ: Богдану Сапѣгѣ и Гарабурдѣ, присыланнымъ къ двумъ Іоаннамъ. Думаю, вотъ по чему: тѣ пріѣзжали править посольство, а онъ служить. Самые Князья, выѣзжавшіе къ намъ на службу, оставляли свои древнія прозванія, принимая новыя отъ имени отца: Князь Гедиминовой крови, Патрикій, оставилъ сыну, внуку и правнуку своимъ прозваніе Патрикеевыхъ.

Голицына, и сообщила мнѣ объ немъ изустно и собственноручнымъ описаніемъ. — Знамя находится теперь въ Московской Оружейной палатѣ; а въ храмѣ села оставлена копія, совершенно ему подобная.

16). Выпишемъ имена Русскихъ иконописцевъ прежнихъ вѣковъ:

Св. Алимпій, жившій въ XI вѣкѣ, былъ ученикомъ Византійскихъ живописцевъ, и съ ними украсилъ Кіево-Печерскій храмъ иконами. Одна изъ его иконъ, говорятъ, сохранилась въ Ростовскомъ Соборѣ, но, вѣрно *поновлена*. Житіе Алимпія извѣстно многимъ. Тамъ, между прочимъ сказано (и это повторила Исторія,) что онъ былъ безкорыстно трудолюбивъ: не требуя никакой мзды, писалъ иконы для всѣхъ церквей, и, занимая деньги на покупку красокъ, платилъ долги своею работою. Онъ рисовалъ и миніатюры въ священныхъ книгахъ, сохранявшія необыкновенную свѣжесть колеровъ. Историографъ именуетъ видѣнные имъ Псалтирь и одно Евангеліе того времени (*).

Современные Симеону Гордому придворные живописцы: *Захарій*, *Іосифъ* и *Николай*, росписывали старый Архангельскій Соборъ. Вѣроятно миніатюры, видѣнныя мною въ двухъ Евангеліяхъ Троицкой ризницы, суть произведенія ихъ искусства.

Современные Василію Димитріевичу были *Симеонъ Черный* и старецъ *Прохоръ*; но славнѣйшими почитались *Андрей Рублевъ* и другъ его *Даніилъ*. Они росписывали многіе храмы, въ томъ числѣ славный Владимірскій, а

(*) Какъ драгоцѣнна была бы икона, достовѣрно признанная дѣломъ этого перваго Русскаго художника! — Первый Италіанскій ученикъ Византійцевъ, Чимабуе, писалъ въ концѣ XIII столѣтія, — Алимпій въ концѣ XI, — и такъ за двести лѣтъ до основанія Италіанской школы! — Кіевскіе мозаики были дѣланы задва слишкомъ столѣтія до Тасси, Италіанскаго ученика Грековъ.

въ Москвѣ Благовѣщеніе, Рождество *на сѣнлхъ* и въ Андроньевѣ. Послѣднимъ ихъ дѣломъ было росписаніе Троицкаго каменнаго Собора въ Лаврѣ, созданнаго при Св. Никонѣ, послѣ нашествія Эдигея. — Анекдотъ о кончинѣ одного послѣ другаго, который предсталъ на яву своему другу предъ его смертію, какъ бы зовя его въ вѣчность, достоинъ хроники Изящныхъ Искусствъ; — подробности его описаны въ *Софійскомъ Временникѣ*. Лѣтопись говоритъ, въ пожаръ 1547 года, сгорѣ на царскомъ дворѣ Благовѣщеніе Златоверха, въ ней Дейсусъ что Андреева письма Рублева златомъ обложенъ. (Тутъже сгорѣли, и образы многоцѣнные Греческаго письма прародителей Царя.)»

Современные Іоанну III были *Діонисій Тимофей*, *Ярецъ* и *Конл*. Они росписывали новый Успенскій Соборъ и другіе, въ 1482 году, по желанію Ростовскаго Архіепископа, славнаго Вассіана (*Рыло*). См. *Софійскій Временникъ*, томъ II стр. 224. — *Діонисій* въ 1483, переписалъ Греческую икону Богоматери, отъ которой послѣ пожара оставалась одна дска. — Съ упомянутыми товарищами онъ написалъ, въ 1482, *Дейсуса вельми чуднаго въ новую церковь Пречистыя*, то есть въ соборную Успенскую, въ Москвѣ. Описатель пожара 1547 года говоритъ: « Сгорѣ церковь Спасъ въ Чигасовѣ монастырѣ; подпись тоя чудна была Діонисія иконописца.» — Еще былъ *Долматъ* иконникъ; росписалъ Срѣтеніе *наполѣ на Кучковѣ*, (тогда новый храмъ, сооруженный въ честь Иконы Владимірской: этотъ храмъ обращенъ въ Монастырь, Срѣтенскій).

Современный Василію Іоанновичу, *Едикеевъ*, переписывалъ Соборы (*) и Рождество *на сѣнлхъ* (**). Его кис-

(*) По росписаніи Успенскаго, Великій Князь, Святители и Бояре, вступивъ въ церковь, сказали: «мы видимъ небеса!»

(**) Этотъ Кремлевскій храмъ еще разъ возобновленъ, въ 1839-мъ году, и переписанъ. Онъ былъ *родимый*, и для того въ немъ сло-

ти долженъ быть и портретъ В. К. Василія во весь ростъ, что въ Моск. Соборѣ, у иконостаса, близъ праваго клироса.

Но видно, что лучше всѣхъ писалъ *Рублевъ*, ибо Іоаннъ IV указомъ повелѣлъ держаться его стиля.

17). Способъ живописать для вѣковъ, кажется, остается тайною для новѣйшаго искусства, и можно рѣшительно заключить, что славная икона Вышгородская (Владимірская) потемнѣла послѣ поновленія въ 1514 году. Ростовская Алимпіевой кисти, думаю также. Нынѣ тамъ весь соборный иконостась поновленъ, какъ я слышалъ; кто знаетъ? — можетъ быть, еще разъ коснулись ее и другихъ древнихъ, Греческихъ. Древняя чудотворная икона, Одигитріи въ Симоновѣ, вся переписана въ концѣ XVIII столѣтія, и стоитъ уже не на поклонѣ, а въ олтарѣ, то есть, не на своемъ историческомъ мѣстѣ (*). — Извѣстно, что легче переписать всю икону, чѣмъ подводить краски подъ тонъ старой въ мѣстахъ слупившихся. Поновитель, потерявъ терпѣніе, или стерши по неосторожности, еще болѣе нежели стерло время, рѣшается дать волю своей кисти, и, уже выступивъ изъ предположенныхъ границъ, непримѣтно для самаго его, перепишетъ все изображеніе; — и такъ поновленія кистію весьма опасны (**), и должны производиться искусными

жены двѣ изразцевыя печи, еще видныя и донынѣ; но креселъ для державныхъ родильницъ, о которыхъ говорятъ старожилы, уже нѣтъ. Придѣлъ подъ этимъ храмомъ, во имя Св. Лазаря, съ двумя Царскими мѣстами, найдекъ недавно, какъ открываютъ зданія въ Помпеи или Геркуланумѣ. Объ немъ упоминалось лишъ въ Лѣтописяхъ XIV и XV столѣтій.

(*) Смотри И. Г. Р. томъ VI, въ *Примѣчаніяхъ*, страница 152.

(**) Замѣтимъ сверхъ того, что отчиска древнихъ иконъ представляетъ тѣмъ болѣе затрудненій, что онѣ писаны не на оливѣ, а частію на яичномъ, частію на восковомъ растворѣ и другихъ уже забытыхъ составахъ, какъ писали въ Греціи и у насъ, а равно и въ

художниками, которые, чѣмъ искуснѣе, тѣмъ болѣе уважаютъ подлинникъ, и тѣмъ рѣжѣ и страшливѣе берутся за кисть. Такъ подправлялъ Карло-Маратти Ватиканскія сокровища, написанія Рафаэля и Карраша, поставляя себѣ за честь касаться ихъ какъ святыни, и касался съ тренетомъ, хотя и самъ былъ знаменитымъ художникомъ. Людей же съ обыкновеннымъ талантомъ можно допустить только въ слѣдующихъ случаяхъ: « Згорѣ (въ 1483) икона Одигитрія на Москвѣ, въ церкви Вознесенія, Греческаго письма; *только* ликъ до оклада згорѣ: дска цѣла; и *написа* Діонисій иконникъ на той дскѣ той-же образъ. » Тутъ, конечно, ничего другаго не оставалось дѣлать. — Греческія иконы такъ нынѣ рѣдки у насъ, что желательно было бы видѣть полное имъ описаніе, здѣланное знатокомъ и любителемъ древностей, который, вмѣстѣ съ артистомъ знающимъ, объѣхалъ бы мѣста Россіи уцѣлѣвшія отъ огня Батыя, Ногая, Тохтамыша, и отъ другихъ рушительныхъ переворотовъ. Москва, послѣ пожаровъ 1472, 1547, 1611 и 1812 годовъ, имѣетъ ихъ очень мало, между тѣмъ какъ самое искуство Греческаго живописанія пало въ разгромѣ Восточной Имперіи, а съ нимъ и Русское (*).

Италіи и Фландріи до Андрея Кастаньи и Ван-Эйка, и не покрывали мастичнымъ лакомъ, который отъ тренія пальцемъ сходитъ вмѣстѣ съ копотью и пылью, оставляя первобытный тонъ колорита неприкосновеннымъ. Незнающіе и лѣностные поновители, желая скорѣе отчистить, употребляютъ спиртъ, который проѣстъ краску до самой дски. И такъ въ этомъ дѣлѣ надлежитъ имѣть, сверхъ знанія, большое терпѣніе и большую осторожность. Знатокамъ и охотникамъ до картинъ извѣстно, что за *хорошую* отчистку иконы или картины слѣдуетъ заплотить въ двое болѣе, чѣмъ за посредственное написаніе тѣхъ же сюжетовъ.

(*) Я видѣлъ въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ, на столбѣ, небольшую икону Спасителя, которая по разсказамъ, принадлежала Димитрію Донскому, и почти рѣшительно могу сказать, что едвали

Остается сказать, въ оправданіе нашего вѣка, что нынѣ приступаютъ къ этому все еще осторожнѣе прежняго, — и думаю, что переписанныя иконы въ Успенскомъ Соборѣ Лавры были уже переписаны до сего, или, принадлежа временамъ Іоанна IV, когда искусство было уже въ упадкѣ, совсѣмъ потеряли свой колоритъ, и заставили новаго иконника еще разъ обозначить ихъ изображенія: Доказательствомъ нынѣшней бережливости служитъ сохраненіе упомянутой Иконы Святыя Троицы и другихъ, которыя, бывъ только отчищены, остались въ подлинномъ своемъ видѣ. Но, въ старину, частыя поновленія были какимъ то набожнымъ долгомъ. Видимъ въ лѣтописяхъ, что Митрополиты: Варлаамъ и знаменитый Макарій брались сами за кисть реставратора, и вѣрно не улучшали. Подражателей легкому и дурному (какъ водится) явилось множество. Самыя стѣны здѣшняго Троицкаго храма небыли отчищены бѣлымъ хлѣбомъ, а переписаны при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ какимъ то смѣльчакомъ, у котораго рука не дрогнула касаясь живописи Рублева. (Еще при Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ были въ Лаврѣ свои иконописцы, въ томъ числѣ казначей Закхей, посыланный въ Иверію для иконнаго дѣла). Отъ сюда произошли, въ рисункѣ непомѣрная сухощавость, безжизненность и неестественныя положенія, а въ самой живописи лишеніе круглоты (которая была постигаема Греками, а также и ихъ подражателями въ Италіи (*)); произошла и безц-

найдутся тамъ еще двѣ равныя ей, какъ по достоинству древняго Греческаго стиля, такъ и по признакамъ его лучшаго періода.

(*) Всмотрясь въ Лаврскую икону Святыя Троицы, и также въ упомянутую Архангельскую въ Москвѣ, я находилъ гораздо болѣе круглоты въ лицахъ, нежели въ иконахъ послѣдовавшихъ временъ. Эту круглоту видимъ и въ первобытной Италіанской Школѣ, Греками образованной. Замѣтимъ, однакоже, что эта круглота совсѣмъ не Корреджіевская, которая нейдетъ къ предметамъ поклоненія, и нап-

вѣтность въ колерахъ, дурно составленныхъ, отъ чего скоро все обратилось въ черноту. И такъ старинные поновители, которымъ подобные существуютъ и нынѣ (но только нынѣ менѣе даютъ имъ воли), не мало содѣйствовали пожарамъ въ истребленіи у насъ иконъ Греческаго древняго стиля. Они то дали поводъ иностранцамъ говорить, будто наша живопись была варварская: Изъ тысячи иконъ едвали видѣли они двѣ или три кисти нашихъ первыхъ иконописцевъ, истинныхъ подражателей Византійскому.

18). Сынъ Владиміра храбраго, Князь Андрей, былъ во всю жизнь кротокъ, не любостяжателенъ; служилъ прямо троюродному брату своему, В. К. Василію Димитріевичу, и былъ посыланъ имъ по дѣламъ, но нератнымъ. Онъ встрѣтилъ его невѣсту, дочь Витовта, отпущенную изъ Маріенбурга. — Радонежъ достался ему по духовной отца: «Въ ней Владиміръ Андреевичь поручилъ супругу и дѣтей Великому Князю; отказалъ свою треть Москвы всѣмъ пяти сыновьямъ вмѣстѣ, такъ чтобы они вѣдали ее по-годно; старшему сыну, Іоанну, далъ Серпуховъ, Алексинъ, Козельскъ — Симеону Боровскъ и половину Городца: другую половину Ярославу, вмѣстѣ съ Малоярославцемъ (названнымъ такъ отъ имени сего Владимірова сына); *Андрею Радонежъ* — Василію Перемышль и Угличь — супругѣ Еленѣ Ольгердовнѣ множество селъ, въ томъ числѣ Коломенское, Тайницкое и славную мѣльницу на устьѣ Яузы: ей же съ меньшими дѣтьми большой дворъ Московскій (другимъ сыновьямъ особенные домы и сады). Свидѣтелями Духовной были

расно введена новѣйшими росписывателями храмовъ; — о прямой иконной круглотѣ напоминаютъ лишь картины Рафаэля и Леонарда да-Винча.

Игумены Никонъ Радонежскій, Савва Спасскій и 5 Бояръ Владиміровыхъ.» *И. Г. Р.*

Князь Андрей скончался за два года до кончины св. Никона.

19). Всѣ Лѣтописи упоминаютъ объ этомъ кличѣ Пересвѣта на Куликовомъ полѣ. Вѣкъ святыхъ отшельниковъ былъ у насъ, какъ и вездѣ, вѣкомъ Рыцарства: шлемы мѣнялись на схимы, схимы на шлемы. Но у насъ это Рыцарство не сходствовало съ причудами Западнаго, гдѣ совершались подвиги при кликѣ: *Madame et Saint Denis!* Нашъ богатырь нападалъ и бился или *за Святую Софію*, или *за Святую Троицу*; а всего чаще ратовалъ и дивилъ храбростію *за домъ Пресвятыя Богородицы и отечество*, повторяя древній кличъ Державнаго: *Не посрамимъ земли Русскія!*—Въ годину Междуцарствія снова огласилъ полки памятный взывъ Пересвѣта: *Сергій!* съ нимъ на славныхъ вылазкахъ Троицкой осады творились чудеса, съ нимъ и стяги Пожарскаго неслись отъ Чертолья до Кремля, отъ Климента къ Донскому Монастырю по грудамъ Ляховскихъ труповъ. Замѣтимъ, кстати, что отступленіе Хоткѣвича было къ тому мѣсту, гдѣ въ 1591, во время битвы съ Казы-Гиреемъ, стоялъ полотняный храмъ во имя Св. Сергія.

20). Скажутъ: Благолѣпіе, достойное святыни, увеличиваетъ благочестіе въ сердцахъ поклонниковъ, между тѣмъ какъ видъ старой, темной келліи ослабляетъ это чувство. Нѣсколько согласенъ, ибо не всѣ равно поражаются самою сущностію предмета; но, въ такомъ случаѣ, желалъ бы обложить *снаружи* стѣны Сергіе-Никоновской келліи порфиромъ, рѣдчайшими мраморами, а покрыть даже чистымъ золотомъ, оставя внутри весь первобытный видъ. Этою мыслію были проникнуты тѣ, которые нерѣшились нашивать дорогихъ камней и дру-

ихъ украшеній на ризу Святаго, первое сокровище Лавры.

21). Всегда съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ я смотрю въ Московской Оружейной на пуки Троицкихъ бердышей. Генералъ-Фельдцейгмейстеръ, Графъ Шуваловъ, забралъ Троицкій огнестрѣльный снарядъ и многія оружія; но если онъ не отдѣлилъ ихъ отъ другихъ, то всякому Русскому сердцу остается пожалѣть, и сказать, что онъ поступилъ, какъ сочинитель нѣкогда хваленой *Epitre de Ninon*, вмѣстѣ съ многими современниками забывъ Русь и святыню ея воспоминаній (*).

22). Вотъ какъ Діонисій оканчивалъ свои призывныя грамоты во всѣ концы Государства, подписанныя также и Келаремъ Авраамiемъ: « Ради Бога покажите подвигъ своего страданія.... . Смилуйтеся и умилитеся незакоснѣнно; сотворите сіе дѣло избавленія ради Христіанскаго народа; ратными людьми помогите, чтобы нынѣ подъ Москвою, скудости ради, Боярамъ и Воеводамъ и всякимъ воинскимъ людемъ порухи не учинилось. Отомъ много и слезно всѣмъ народомъ Христіанскимъ вамъ челомъ бьемъ. » — Желательно, чтобы священныя строки Діонисіевыхъ грамотъ были начертаны здѣсь, надъ его гробомъ; да скажетъ пришелецъ: Вѣрю, что сила Твоя, Господи! въ немощахъ совершается: два смиренныя инока были возбудителями упавшаго духомъ народа, и виновниками спасенія величайшаго царства въ мірѣ!

Характеры Діонисія и Палицына явились, какъ мы думаемъ, еще лучезарнѣйшими въ послѣдніе годы ихъ жиз-

(*) Снаряды были взяты въ 1756 году. Гр. Шувалову, изобретателю извѣстныхъ мортиръ и улучшителю нашей артиллеріи, не нужны были чугунные дробовики и пищали: и такъ, если одно любопытство заставило его взять эти достопамятности, надлежало отдѣлить ихъ отъ всякихъ другихъ, обозначивъ ихъ особенными надписями.

ни. Несмотря на преклонность лѣтъ, они могли-бы еще выказаться у новаго Двора: одинъ получить первое кандидатство на Патріархію, другой добыть Архіепископію; — но одинъ, пострадавъ оклеветанный, дожилъ Архимандритомъ, награжденный лишь отъ Патріарха Іерусалимскаго клобукомъ съ его главы; другой, удаленный на хладный островъ Соловецкій, остался пропавшимъ безъ-вѣсти для современниковъ, и самый прахъ его два столѣтія скрывался отъ потомства. То были герои, не отдѣлявшіе служенія сирому отечеству, а послѣ Царю и отечеству, отъ служенія Богу, — вотъ источникъ ихъ безкорыстнаго смиренія. Они едвали желали, чтобы ихъ подвигъ наградился; едва ли и думали о немъ, и скончали свои дни моленно, безропотно, мирно, прося лишь добраго отвѣта на страшномъ судищѣ Христовѣ.

23). По преданію, гробы Годуновыхъ были обнесены стѣною, и примыками къ храму; но всѣ были внѣ капитальной стѣны онаго.

24). Вотъ какъ Исторія повѣствуетъ намъ объ этомъ пышномъ пріѣздѣ въ Лавру Ксеніи, невѣсты Іоанна, Принца Датскаго: «Впереди 600 всадниковъ и 25 заводныхъ коней, блистающихъ убранствомъ, серебромъ и золотомъ; за ними двѣ кареты: пустая Царевичева, обитая алымъ сукномъ, и другая, обитая бархатомъ, гдѣ сидѣлъ Государь: обѣ въ 6 лошадей; первую окружали всадники, вторую пѣшіе царедворцы. Далѣе ѣхалъ верхомъ юный Ѳеодоръ; коня его вели знатные чиновники. Позади Бояре и придворные. Многіе люди бѣжали за Царемъ, держа на головѣ бумагу: у нихъ взяли сіи челобитныя и вложили въ красный ящикъ, чтобы представить Государю. Чрезъ полчаса выѣхала Царица, въ великолѣпной каретѣ; въ другой, со всѣхъ сторонъ закрытой, сидѣла Царевна: первую везли десять бѣлыхъ коней, вторую восемь. Впереди 40 заводныхъ лошадей и

дружина всадниковъ, мужей престарѣлыхъ, съ длинными сѣдыми бородами; сзади 24 Боярина, на бѣлыхъ коняхъ. Вокругъ шли 300 приставовъ съ жезлами.» — «Тамъ, продолжаетъ Историкъ, въ обители тишины и святости, Борисъ съ супругою и съ дѣтьми девять дней молился надъ гробомъ Св. Сергія, да благословитъ Небо союзъ Ксеніи съ Іоанномъ.» *И. Г. Р.*

Современники описали красоту Ксеніи. «Она была средняго роста, полна тѣломъ и стройна; имѣла бѣлизну *млечную*, волосы черные, густые и длинные, *трубами лежащіе* на плечахъ, — лице свѣжее, румяное, брови *союзныя*, глаза большіе, черные, свѣтлые, красоты несказанной, особенно, когда блистали въ нихъ слезы умиленія и жалости; не менѣе плѣняла и душею, кротостію, *благорѣчіемъ*, умомъ и вкусомъ образованнымъ, любя книги и сладкія пѣсни духовныя.» *И. Г. Р.*

Москвитяне видѣли ее на всѣхъ торжественныхъ выходахъ, а въ первый разъ близъ Каменнаго моста, у Николы Зарайскаго, гдѣ отецъ, шествуя изъ Новодѣвичьяго монастыря на Царство, представилъ ее, вмѣстѣ съ братомъ, народу Московскому; въ упомянутый же пріѣздъ въ Лавру она была невѣстою, и, по обычаю, скрыта въ продолженіи пути; но въ храмѣ она явилась предъ народомъ во всемъ блескѣ величія и красоты.

25). Перенесеніе тѣлъ Годуновыхъ изъ бѣдной Московской обители Св. Варсонофія въ Сергіеву Лавру происходило такъ:

«Въ присутствіи безчисленнаго множества людей, всего Духовенства, Двора и Синклита, открыли могилы: дватцать Иноковъ взяли раку Борисову наплеча свои (ибо сей Царь скончался Инокомъ); Ѳеодорову и Маріину несли знатные сановники, провождаемые Святителями и Боярами. Позади ѣхала, въ закрытыхъ саняхъ, несчастная Ксенія, и громко вопила о гибели своего

дома, жалуясь Богу и Россіи на изверга Самозванца. Зрители плакали, воспоминая счастливые дни ея семейства, счастливые и для Россіи въ первые два года Борисова царствованія. Въ Лаврѣ, внѣ церкви Успенія, съ благоговѣніемъ погребли отца, мать и сына; оставили мѣсто и для дочери, которая жила еще 16 горестныхъ лѣтъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ Владимірскомъ, не имѣя никакихъ утѣшеній, кромѣ небесныхъ.» *И. Г. Р.*

26). Однажды только Никонъ оставлялъ Сергія, посыланный имъ въ Серпуховскій Высоцкій Монастырь, гдѣ будучи наставленъ и постриженъ его же ученикомъ, Аѳанасіемъ, возвратился въ Лавру: «зѣло бы любяше его «святый Сергій, и ученіемъ напояше душу его. Никонъ «же усердно послушаше учителя, и въ келліи пребыва«ше съ нимъ. По семъ святый Сергій прежде шести мѣ«сяцей своего преставленія призва всю братію, и предъ «всѣми ими по тави Никона игуменомъ въ свое мѣсто, «и предаде ему монастырское все строеніе, и о братіи «попеченіе; самъ же святый пребываше въ безмолвіи. «По шести же мѣсяцѣхъ, Св. Сергій отъ житія сего ко «Господу отъиде. Блаженный же Никонъ со всею бра«тіею святое тѣло преподобнаго отца своего Сергія чест«но гробу предаде со многими слезами.»

Житіе Св. Никона.

27). Здѣсь кстати замѣтить, что многіе остатки нашей старины могутъ назваться знаменателями ужасныхъ переворотовъ, потрясеній и славныхъ возстаній Россіи. Мы читаемъ и слышимъ преданія о вселѣніи Кіева, Чернигова, Ростова, Суздаля и Владиміра, — и до чего же дочитываемся въ лѣтописяхъ? — Троицкій храмъ, созданный Св. Никономъ, показался чудомъ зодчества! — Послѣ двухъ Іоанновъ и Годунова, едва царской и боярскихъ суммъ достало, чтобы, подлѣ ихъ величественныхъ сооруженій въ Москвѣ, построить маленькую церковь,

Казанскій соборъ! — Скоро за симъ, послы Европейскихъ и Азіатскихъ дворовъ (между прочими Великобританскій, сообщитель объ этомъ) ослѣплялись блескомъ двора Царя Алексія. Въ то время, какъ Троицкая ризница обогащалась утварями отъ усердія Царей Михаила и Алексія, богатыя вклады были приносимы ими въ обители: Савину, Воскресенскую, Новоспасскую и другія. Царь Михаилъ, безъ сомнѣнія, часто бывалъ у гроба Св. Сергія, благодарить за уцѣленіе Царства при его неопытномъ отрочествѣ (*), — Алексій бывалъ еще чаще, благодарить за Югозападъ, пріобщенный къ Россіи, (*см. Приложеніе въ концѣ книги*). Онъ, безъ сомнѣнія, привозилъ туда и юношей Ѳеодора, Іоанна и младенца Петра. Но мы не много имѣемъ историческихъ подробностей о царствованіяхъ сихъ двухъ Государей, какъ будто послѣ кровавошумкой эпохи Самозванцевъ и Междуцарствія, сильно изображенной Палицынымъ и послушникомъ Діонисія, надлежало отдыхать перу, — какъ бутто уже нечего было описывать. (И послѣ Наполеона, во Франціи еще пишутъ). Напрасно винятъ въ этомъ невѣжественную нерадивость Русскихъ того времени: у насъ по келліямъ продолжались хроники; но, какъ многіе думаютъ, вотъ что было причиною лишенія насъ оныхъ: Петръ Великій изъявилъ желаніе, чтобы Русская Исторія сочинялась Русскими писателями; сказалъ, что вѣрнѣйшія извѣстія должны заключаться въ запискахъ иноковъ, и,

(*) Онъ покрылъ чеканнымъ серебромъ Царскіе двери Троицкаго собора, вдалъ въ ризницу массивное золотое кадило; главное же его стараніе въ украшеніи святыни было устремлено на храмъ села Рубцова, нынѣ Покровскаго. Старожилы разсказываютъ, что тамъ были важныя драгоцѣнности, употребленные, въ концѣ XVIII вѣка, на другіе церковныя потребы. Въ самой связи Покровскаго храма, созданнаго въ память мира, утвердившаго спокойствіе Россіи, Царь Михаилъ незабылъ воздвигнуть придѣлъ въ честь Св. Сергія.

въ 1722, приказалъ собрать ихъ рукописи; но современники-исполнители его воли не умѣли поступить осторожно, а другіе, можетъ быть, и не поняли его великой думы, какъ бы въ доказательство, что геній всегда опереживаетъ свой вѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ вѣроятно слишкомъ грозно и нетолково объявили отшельникамъ о выдачѣ имъ свитковъ для представленія Царю (а времена и безъ того были грозныя), — и новые Несторы истребили, не только свои рукописи, но и охоту въ другихъ продолжать записки. Можетъ быть, это самое заставило Петра сказать однажды: «Всегда находилъ я въ семъ намѣреніи препятствіе.» — Отъ чего мы мало знаемъ о временахъ, къ намъ ближайшихъ, Екатерины I, Петра II и Анны, а если что и знаемъ, то отъ де-Лиріявъ, Манштейновъ, и другихъ иностранцевъ, то недовольныхъ, то завистливыхъ? — Писать въ келліяхъ отвыкли, и стали менѣе знать о дѣлахъ свѣтскихъ; а свѣтскіе люди, на глазахъ которыхъ такъ быстро и дѣятельно слѣдовали перевороты Меншиковскіе, Долгоруковскіе, Бироновскіе, Минихскіе и Лестокскіе, страшились повѣрить и уединеннымъ кабинетамъ свои строки. Послѣ Князя Шаховскаго мы назовемъ не многихъ, и то лишь по ихъ отрывкамъ (*). — Историческія современныя записки, даже тѣ, въ которыхъ найдется мѣстами и лживое и невѣроятное, полезны для Историка, если ихъ много, разными писателями сочиненныхъ. Прозорливый историкъ-наблюдатель скоро, по ихъ взаимнымъ противорѣчіямъ, дознается, что ложь и что истина, легко проникнетъ въ личность авторовъ, и выберетъ дѣльное. Что знали бы мы о

(*) Не ужели назовемъ Г-жу Рондо и аббата Шаппа, этихъ изображателей пытокъ и кнутобойни болѣе чѣмъ славы славнаго времени? — Впрочемъ, не мудрено: не *улыбаемся ли* мы *добродушно*, читая Герцогиню Абрантесъ, писавшую въ томъ же духѣ когда касалась Россіи?

самомъ Петрѣ безъ Крекшина? Ни Штелинъ, ни Берхгольцъ, ни Бишингъ, ни Веберъ не замѣнили бы его записокъ для Голикова и — потомства. Славный вѣкъ Екатерины, обильный любопытными подробностями на поприщахъ воинскомъ и гражданскомъ, представлялъ множество матеріаловъ для историческихъ записокъ; но въ то время мы такъ было офранцузились, что отцы и дяди наши едвали находили нужнымъ писать о Россіи. Мнѣ случилось читать нѣкоторыя записки въ рукописяхъ, какъ то К. Д....вой и Хр....го; но въ нихъ мало заманчиваго, дѣльнаго.

28). Исторія справедливо прозвала Василія Іоанновича *мудрымъ*. Его державство замѣчательно не по одному завоеванію Смоленска: оно было твердымъ, но умѣреннымъ, — прямою средниою между двухъ Іоанновыхъ. Изображая характеръ его, историкъ заключаетъ: «Іоанны III творятъ, Іоанны IV прославляютъ и нерѣдко губятъ; Василіи сохраняютъ, утверждаютъ Державы, и даются тѣмъ народамъ, коихъ долговременное бытіе и цѣлость угодны Провидѣнію.» Не домогавшись названія *Великаго*, стяжать такое мнѣніе историковъ, значитъ быть уже великимъ въ глазахъ просвѣщеннаго потомства.

29). Выраженіе: *colossal comme la Russie*, употреблено Принцемъ де Линь въ очеркѣ характера Кн. Потемкина, очеркѣ, названномъ Госпожею Сталь превосходнѣйшимъ произведеніемъ въ этомъ родѣ. Я слышалъ отъ многихъ современниковъ его, какъ благоговѣлъ онъ къ Св. Сергію: «Les Saints Nicolas et Serge étaient ceux qu'il révérait le plus,» сказалъ мнѣ однажды почтенный старецъ, его современникъ и сослуживецъ (съ нимъ часто ссорившійся), Графъ Ланжеронъ. Потемкинъ былъ человѣкъ, — имѣлъ слабости; жилъ въ вѣкѣ роскоши, дворскихъ совмѣстничествъ, — и обнаруживалъ то привычныя, то умышленныя, странности; но онъ былъ чело-

вѣкъ необыкновенный, — и зависть выставляла единственно ихъ. Потомство глядитъ на дѣла, и славитъ имя Таврическаго, который упрочилъ намъ Юго-Востокъ съ необъятными пользами, громомъ побѣдъ и умомъ дипломата обезоруживъ кабинетъ Версальскій.

30). Посохъ Св. Петра Митрополита находится въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ; посохъ Св. Алексія Митрополита въ Чудовѣ монастырѣ. — Здѣсь, говоря о путешествіяхъ Св. Сергія, слово *посохъ* не служитъ реторическою фигурою: Сергій всѣ душеспасительныя и государственныя дѣла отправлялъ пѣшеходствуя: «ни-«коли же и до великія старости на конѣ ѣздяше.» *Никоновская Лѣтопись.*

31). Архимандритъ Лавры, Тихонъ Писаревъ (преемникъ Георгія Дашкова), былъ пособникомъ въ строеніи каменнаго храма въ Коширскомъ селѣ нашемъ, нынѣ доставшемся моему брату. Онъ освящалъ его, и въ немъ хранится его Архимандричій крестъ. — Въ Лаврѣ дворецъ и садъ слывутъ еще подъ его именемъ (*). Барельефы, украшающіе внутренность Троицкаго дворца всѣми подвигами Петра Великаго, были сдѣланы уже при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. — Пріятно однофамильцу, котораго предки были ему единокровны, слышать, что онъ былъ однимъ изъ преемниковъ св. Сергія, и воздвигъ чертоги великому Петру!

32). Въ этой ризницѣ остановила меня одна священная достопамятность, о чудесности которой нерѣшались писать, но много толковали: это панагія, которой средина занята кремневымъ камнемъ овальной формы, чисто полпрованнымъ. Въ немъ видимъ, какъ бы въ жил-

(*) Старый садъ давно уничтоженъ, хотя, можетъ быть, и самъ Петръ Великій, любившій своими руками сажать деревья, участвовалъ въ трудахъ Архимандрита.

кахъ или разводахъ безъ тѣней и колеровъ, изображенное или *изобразившееся* Распятіе съ молящимся предъ нимъ. На этомъ камнѣ нѣтъ ничего выпуклаго (en bosse), ни слоевъ (couches), ни рѣзбы внутрь (en creux), а просто какъ бы природные разводы. Въ XVIII вѣкѣ были присланы въ ризницу подобныя кремни съ изображеніями (искусственными), отъ лицъ, именъ которыхъ не упомню; — но они уже давно лишились и прежняго колера и самой видности начертанія. Скажу, какъ любитель художествъ, что это не миніатюра, но—еще дивнѣе — миніатюрный эскизъ, полный смѣлости, правильности и превосходства рисунка, въ которомъ дышетъ чувство, — и все это означено въ однихъ контурахъ! Желалъ бы привесть туда знатоковъ и охотниковъ до самородныхъ произведеній натуры въ царствѣ ископаемыхъ, всѣхъ рѣщиковъ и поддѣлывателей антиковъ, извѣстныхъ подъ именемъ *camés*, всѣхъ новыхъ Пиклеровъ, чтобы они рѣшили остающееся загадкою.—Знаю,— и не я одинъ знаю, — что ничего нѣтъ легче, какъ пожать плечами и улыбнуться: труднѣе,—для ума—изслѣдовать, а для сердца — возчувствовать, если оно напитано ученіемъ, которое величаютъ именемъ Философіи.

33). Въ новомъ строеніи архитекторъ удобнѣе можетъ расположить окна, освѣтивъ ротонду сверху. Не излишнимъ будетъ напомнить, чтобы внутренніе и наружные орнаменты подходили къ Готико-Русскому.

34). Въ доказательство, какъ важны были Троицкіе Игумены, приведу здѣсь одно мѣсто изъ *Софійскаго Временника:* « Отпустилъ Кн. Вел. Ив Вас. дщерь свою, « Кн. Елену за Вел. Кн. Александра Литовскаго; а « благословилъ Княжну изъ Пречистыя Симонъ Игуменъ « Троицкой, *понеже не бысть тогда Митрополита* ». Этотъ Симонъ, чрезъ годъ, былъ избранъ въ Митрополиты всея Россіи.

35). Мнѣ ли, послѣ Карамзина, говорить объ осадѣ Троицкой обители, объ этомъ великомъ дѣлѣ, безпримѣрномъ въ Исторіи міра! Осады Троицкая и Смоленская, описанныя въ XII томѣ Исторіи Государства, и вообще весь этотъ томъ (послѣдній), могутъ назваться пѣснію лебедя: нѣтъ лучшихъ образцевъ ни въ повѣствовательномъ краснорѣчіи ни въ примѣрахъ строгой правильности историческаго слога; — сила и краткость поражаютъ отъ первой страницы до послѣдней!

36). Сокелейникъ Преподобнаго, Михей, удостоившійся видѣть явленіе Богоматери Святому, самъ пріобщенъ къ числу Угодниковъ; — Исаакій Молчальникъ названъ въ Лѣтописи *добродѣтельнымъ* ученикомъ Сергія; — Никита былъ достойнымъ учителемъ св. Пафнутія Боровскаго. Но сколько было таковыхъ же изъ числа 38 учениковъ этого сѣвернаго Антонія!

37). Бывъ игуменомъ Троицкимъ четыре года, послѣ тритцатиосмилѣтняго игуменства св. Никона, и такъ чрезъ сорокъ два года послѣ кончины св. Сергія, Савва отшелъ въ Звенигородъ *на Сторожи*. Это явнѣе всего опровергаетъ нѣкоторыя сказанія, что св. Савва отшелъ при жизни св. Сергія. (см. въ *Историческомъ описаніи Лавры* списокъ тамошнихъ игуменовъ, и таковый-же въ *Исторіи Росс. Іерархіи*).

38). Вассіанъ *Рыло*, въ послѣдствіи Архіепископъ Ростова, тамъ и похороненъ въ древнемъ Соборномъ храмѣ. — «Славная память его, говоритъ Исторія, осталась накѣки неразлучною съ памятію нашей свободы». Онъ былъ ученикъ св. Пафнутія Боровскаго, и написалъ его Житіе. У св. Пафнутія, уже въ преклонной его старости, былъ еще ученикъ, или лучше, послушникъ, молодый монахъ, Вассіанъ же, братъ св. Іосифа Волоколамскаго. Ему св. Пафнутій пророкъ быть Симоновскимъ Архимандритомъ, откуда, (въ 1506-мъ) перешелъ

онъ, также Архіепископомъ, въ Ростовъ. *(см. Житіе св. Пафнутія).*

39). Два раза, еще въ малолѣтствѣ, былъ я въ храмахъ во время служенія Платона-старца, но, за тѣснотою, не могъ его видѣть. Покойный дядя мой, Селиверстовъ, былъ съ нимъ знакомъ, и имѣлъ позволеніе стоять въ олтарѣ. Однажды онъ пригласилъ съ собою одного пріятеля, вольнодумца. Увидѣвъ Платона, воздемлющаго руки предъ Святыми Дарами, увидѣвъ его черты и взоры, *философъ* не устоялъ, и, повергшись, оросилъ помостъ слезами: этой минутой рѣшилось его обращеніе, — и Христіанскія правила означили весь остатокъ жизни бывшаго Вольтеріанца. Извѣстно, какъ славился Платонъ ораторскими движеніями. Старики помнили и разсказывали, какое дѣйствіе произвело вызываніе имъ Петра Великаго изъ гроба въ присутствіе Екатерины II. Многимъ еще памятно, какъ маститый Платонъ въ послѣдній разъ литургисалъ въ Троицкомъ Соборѣ, и какъ, оставя амвонъ, и подошедъ къ ракѣ Сергія, благодарилъ Святаго, сподобившаго его такъ долго занимать его мѣсто, благодарилъ, и винился предъ нимъ въ своемъ недостоинствѣ: Слова, поступь, осанка, взоръ и движеніе, все вмѣстѣ съ ризою Угодника на раменахъ, поразили предстоявшихъ. (Послѣ сего онъ служилъ только у себя въ Виѳаніи). Старики такъ добавляютъ свои сказанія: Кто лишь читалъ его рѣчи, тотъ не можетъ имѣть ни малѣйшаго понятія о дѣйствіи, которое онѣ производили истекая изъ устъ его. Еще я былъ въ первой молодости, когда видѣлъ его въ послѣдній разъ: онъ отпѣвалъ Данилловскаго Архимандрита Амвросія (роднаго брата викарнаго Епископа, Августина). До тѣхъ поръ никогда не видавъ его служащаго, я увѣрился, что онъ былъ превосходный витія: Произнося послѣднія слова Евангелія «*Не ищу воли моея,*

но воли пославшаго мя Отца», онъ отклонился отъ обыкновенныхъ правилъ, и воздѣлъ одну руку къ небу, но такъ, что я затрепеталъ въ восторгѣ умиленія. (Онъ уже не могъ ни служить Литургіи, ни надѣвать митры; отпѣвалъ въ клобукѣ, поддерживаемый двумя діаконами).

40). Платона должно было *слушать*; Августина, котораго восхитительно было слушать, восхитительно и *читать*. Никогда незабудутся его Рѣчи къ Побѣдителю и Миротворцу Европы въ часы грозные для Россіи, Рѣчи къ Московскому народу, и это обращеніе къ пылающей столицѣ: «Москва! ты во пламени.—Великая, «безцѣнная жертва! — Но гори, — гори, святая жертва, «за спасеніе Россіи, за спасеніе всей Европы! Всевыш-«ній благоуханіе туковъ твоихъ пріемлетъ, яко воню «жертвы Авелевой!» (Смотри, въ добавокъ, *Біографію Преосвященнаго Августина*, составленную И. М. Снегиревымъ).

41). Извѣстно, что знаменитѣйшій изъ Кн. Пожарскихъ, Кн. Димитрій, былъ похороненъ въ Суздалѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ его рода; знаменитѣйшій изъ Кн. Скопиныхъ-Шуйскихъ, Кн. Михаилъ, удостоился Царской могилы: онъ лежитъ въ Архангельскомъ Соборѣ.

Я не имѣлъ времени разсмотрѣть всѣ надписи, которыя уже и трудно разобрать. Желалъ бы узнать нѣкоторыхъ почившихъ здѣсь изъ рода Салтыковыхъ, чтобы забыть объ *одномъ*. Не здѣсь-ли славный Василій, побѣдитель Константина Острожскаго въ 1517-мъ? — Не здѣсь-ли Даніилъ, который въ 1578, при нападеніи Литвы, Нѣмцевъ и Шведовъ на горсть Россіянъ, умеръ у огнестрѣльнаго Снаряда, между тѣмъ какъ пушкари Московскіе, чтобы не отдаться въ плѣнъ, — повѣсились на пушкахъ? Не здѣсь ли Иванъ, съ цѣлымъ отрядомъ войска бѣжавшій отъ Сигисмунда къ Ляпунову для спасенія Отечества?... довольно, чтобы забыть Михаила.

Нѣтъ знатнаго рода въ исторіи всего Европейскаго Дворянства, гдѣ бы не мелькало одного или двухъ лицъ подобныхъ Коннстаблю Бурбонскому или одному изъ Монморанси; за то въ нашей сколько доблестей цѣлыхъ поколѣній, замоляющихъ потомство!

42). Говоря о смертныхъ останкахъ Ляпунова, я сказалъ: *можетъ быть;* ибо вотъ что читаемъ въ Исторіи: «Его убили, и только одинъ Россіянинъ, личный не-«пріятель Ляпунова, Иванъ Ржевскій, сталъ между нимъ «и ножами: ибо любилъ отечество; не хотѣлъ пере-«жить такаго убійства, и великодушно пріялъ смерть «отъ изверговъ: жертва единственная, но драгоцѣнная, «въ честь Герою своего времени, Главѣ возстанія, жи-«вотворцу государственному, коего великая тѣнь, уже «примиренная съ закономъ, является лучезарно въ пре-«даніяхъ Исторіи; а тѣло, искаженное злодѣями, оста-«лось, можетъ быть, безъ Христіанскаго погребенія, и «служило пищею вранамъ, въ упрекъ современникамъ «неблагодарнымъ, или малодушнымъ, и къ жалости «потомства»! *(П. Г. Р.)* Томъ XII, стр. 328, *предпослѣдняя* въ безсмертномъ твореніи Карамзина.

43). Святый Сергій — говоритъ Лѣтописецъ — охрабрилъ и невѣждъ; безъ латъ и шлемовъ, безъ навыка и знанія ратнаго, они шли на воиновъ опытныхъ, доспѣшныхъ, и побѣждали. «*(П. Г. Р.)*. Преданіе сохранило имена главнѣйшихъ воиновъ: Селевины, Брехова, Айгустовъ, Павловъ, Тененевъ, Суета, Нехорошевъ, Шиловъ.» Данило Селевинъ, братъ измѣнника и переметчика, сказалъ: «хочу смертію загладить безчестіе нашего рода», и сдержалъ слово: пѣшій напалъ на дружину Атамана Чики, саблею изрубилъ трехъ всадниковъ, и смертельно раненый въ грудь четвертымъ, еще имѣлъ силу убить его на мѣстѣ, (*П. Г. Р.* гдѣ описаны подвиги и прочихъ). Палицынъ именуетъ мно-

гихъ Дворянъ соратовавшихъ инокамъ, и отлично: Еспова, Марина, Гедрикова, Ходырева, Болховскаго, Зубова.

44). По словамъ Карамзина, прахъ Ермогена покоился прежде въ Чудовѣ Манастырѣ (см. *сочиненія Карамзина, Томъ IX стр.* 226, *третьяго изданія*). Пренесеніе тѣла его въ Успенскій Соборъ могло быть при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, ибо умершій въ первыхъ годахъ царствованія Алексія, Патріархъ Іосифъ, желалъ быть положенъ близъ Ермогена (см. *Акты Археографической экспедиціи,* собранные Г. Строевымъ).

45). Кн. Пожарскій, сверхъ того, продолжалъ водить Россіянъ къ побѣдамъ, сражаясь противъ Поляковъ, Запорожцевъ и Татаръ Крымскихъ; участвовалъ въ дипломатическихъ совѣщаніяхъ съ Послами разныхъ Европейскихъ Державъ; управлялъ Приказами и Ямскимъ и Судными. (см. *Біографію К. Пожарскаго,* соч. А. Ѳ. Малиновскаго, и *Словарь достопамятныхъ людей Русской земли,* составл. Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ).

46). Когда въ Грамотахъ Царя Михаила Ѳеодоровича писалось: *за Царя Василія Іоанновича* (Шуйскаго), это значило: за вѣрность и подвиги во время Междуцарствія, ибо прямые сыны отечества до самой его кончины въ плѣну почитали его Царемъ Россіи; этому слѣдовалъ и юный Михаилъ.

47). Погостъ Лавры болѣе многихъ погребалищь даетъ случай раздумать о дѣйствіяхъ времени и смерти: сколько именъ, здѣсь начертанныхъ, выкоренилось изъ нашихъ сановныхъ списковъ! Среди Князей Одоевскихъ, Оболенскихъ, Ростовскихъ, Голицыныхъ, Трубецкихъ, Куракиныхъ, Щербатовыхъ, Мещерскихъ, Мосальскихъ, Шаховскихъ, — среди Булгаковыхъ, Волынскихъ, Салтыковыхъ, Плещеевыхъ, Бутурлиныхъ, Шубиныхъ, Дмитріевыхъ, Скрыпицыныхъ, Загрязскихъ, Ляпуновыхъ, Ржевскихъ,

Новосильцевыхъ, Писемскихъ, Опочининыхъ, Пушкиныхъ, Головкиныхъ, Головиныхъ, здѣсь читаемъ имена Князей Пронскихъ, Ряполовскихъ, Воротынскихъ, Холмскихъ, Горбатыхъ, Глинскихъ, Бахтеяровыхъ, Пріимковыхъ, Буйносовыхъ, Хворостиныхъ, Шуйскихъ, Татевыхъ, Гагиныхъ, Елецкихъ, — но гдѣ ихъ потомки? гдѣ.... Пожарскіе? гдѣ Шеины и множество другихъ именъ достойно историческихъ?

Относительно къ послѣднимъ строкамъ этого періода въ текстѣ, замѣтимъ, что древлѣ, большая часть нашихъ знатныхъ людей оканчивали дни въ неизвѣстности келейной, не домагаясь власти или знаменитости въ санѣ духовномъ. Объ этомъ многіе толковали и толкуютъ разно, утончая свои догадки; но характеръ всякаго народа долженъ изучаться не по общимъ соображеніямъ, не по вѣроятностямъ пригоднымъ новому вѣку, — нѣтъ, для вѣрнѣйшаго опредѣленія онаго надлежитъ съ младенчества обжиться со всѣми понятіями, со всѣми повѣрьями того народа; иначе розыски историка будутъ сбивчивы, и найдется много ошибокъ въ его заключеніяхъ (*). Предметъ, о которомъ здѣсь упоминается, содержитъ въ себѣ одно изъ доказательствъ: Въ преданіяхъ древней Россіи рѣдко находимъ Митрополитовъ, Архіепископовъ и Епископовъ изъ знатнаго рода, хотя Князья, Бояре, Сановники и любили кончать путь жизни въ схимахъ или клобукахъ: Что же скажетъ отъ этомъ наблюдатель, не совсѣмъ знающій характеръ нашей доброй старины? — Скажетъ: политика Державныхъ не допускала бывшихъ честолюбцевъ опираться на вторую

(*) Ни какой Историкъ не обойдется безъ собственныхъ заключеній. Если и не дозволитъ себѣ ораторскихъ выходокъ, то въ самомъ повѣствованіи, въ оборотахъ, которые дастъ своимъ розысканіямъ, онъ выкажетъ свою мысль, свое сужденіе.

сильную власть, духовную. Другой, подобный ему, замѣтитъ обратно: Духовенство, скажетъ онъ, не допускало ихъ смѣшивать свѣтскія интриги съ своими, дабы эта смѣсь не произвела перевѣсу въ пользу первыхъ. — Но вѣрнѣйшій наблюдатель просто скажетъ, что эти старцы, хотя и полные душеспасительныхъ чувствъ и мыслей, но утомленные дѣятельною жизнію, или привыкшіе къ нѣгѣ Боярской, сознавались въ своихъ немощахъ, думали и говорили: *не снесемъ!* Чтобы достойно достигнуть власти, надлежало истомить себя постомъ, подъять столько тѣлесныхъ трудовъ по слову: «большій да будетъ всѣмъ слуга»! Присоединимъ къ этому заботы по Епархіи, судъ и расправу въ дѣлахъ духовныхъ, которыя самыхъ опытныхъ заставляли слагать съ себя бремя, тяжкое при неусыпномъ радѣніи, а другихъ отказываться отъ него при самомъ избраніи, — и выведемъ вопросъ: могли ль сносить это бремя старцы, приходившіе отдыхать отъ дѣлъ житейскихъ въ однѣхъ молитвахъ и созерцаніяхъ? — И кто были эти отшельцы? — витязи, утружденные въ нашихъ прямо Крестовыхъ Походахъ; вожди въ битвахъ: Задонской, Ведрошской, Казанской, Молодей, Пскова; побѣдители Ливонскихъ Рыцарей; страдальцы въ годы Междуцарствія; съ юности щиты Москвы и Россіи; при склонѣ дней болѣтели о народѣ, вѣщатели правды въ Думѣ; радушные гостепріимцы, прямые отцы своихъ Дѣтей Боярскихъ, отшедшіе отъ трудовъ и сластей міра. Не одни вельможи, — такъ отходили на покой и самые Монархи. Исторія, между прочими примѣрами, трогательно приводитъ слѣдующій: Князь Михаилъ Тверскій, почувствовавъ близость своей кончины, собралъ и усадилъ за столы духовенство и нищихъ; самъ разнесъ прощальную чашу, вышелъ къ народу, поклонился и сказалъ: «иду къ Богу: братья! отпустите меня съ благословеніемъ!» — услы-

шалъ отвѣтъ рыдающей толпы: «Господь благословитъ тебя, князь добрый!» — прошелъ мимо дворца въ Лавру св. Антонія, и постригся.

Въ Симоновѣ Монастырѣ для знатныхъ иноковъ построенъ былъ особенный домъ подъ именемъ *Княжескаго дворца* (онъ существуетъ и понынѣ, какъ достопамятность). Постный, богодухновенный старецъ Вассіанъ, жившій тамъ въ правдѣ и пострадавшій за нее, не избѣгъ уреканій въ яствѣ и питіи сладкихъ; ибо былъ Княземъ, потомкомъ Гедимина. — Когда Цари Алексій и Ѳеодоръ, во время говѣнія, входили въ свои Симоновскія келліи, и отправляли обязанности монашескаго житія, старцы, говоритъ преданіе, избавляли ихъ отъ ручныхъ трудовъ лишь потому, что они *уже носили бремя* — правленія. Люблю посѣщать эти келліи, находящіяся въ одной связи съ трапезою, и часто выхожу изъ нихъ съ болзненною мыслію, чтобы циркуль архитектора и ломъ каменщика не коснулись ихъ для постройки чего нибудь ново-идеальнаго съ смѣшеніемъ всѣхъ орденовъ. Жаль будетъ, тѣмъ болѣе, что связь, вмѣщающая эти келліи, есть одинъ изъ лучшихъ образцевъ Готико-Русскаго зодчества: она заключаетъ въ себѣ храмъ во имя св. Сергія, старую трапезу и *вышку* или *альтанъ*, зданіе, можетъ быть, уже единственное въ нашемъ краю, и еще напоминающее о Русскихъ вышкахъ. Всякое измѣненіе, всякая пристройка могутъ лишь исказить этотъ корпусъ (*).

(*) Авторъ, впрочемъ, увѣренъ, что у насъ не повторится сказанное однимъ наблюдателемъ: «Au nombre de ceux qui détruisent il faudrait joindre les architectes» (*Bazin*), — ни слѣдующая выходка знаменитаго Шатобріана. А въ 1831 году, когда хотѣли разломать древній Парижскій храмъ: «On m'assure qu'on n'a pas renoncé au projet vandale de démolier l'église de Saint-Germain l'Auxerrois, édifice si précieux à l'histoire de l'architecture. J'ai déjà attaqué ce projet, et j'in-

48). Это писано было въ 1837 году. — Истинно геніальный талантъ зодчаго замѣнитъ нынѣ это лишеніе согласія красотою самаго новаго зданія, въ которомъ простота и величіе соединены съ правильностію. Но авторъ, уже вступающій въ рядъ старожиловъ, еще жалѣетъ о первобытномъ видѣ Симонова, и даже о его тускло-зеленыхъ главахъ.

49). Смотри: Le Génie du Christianisme, III partie, livre I, Chapitre VIII. Это мѣсто начинается слѣдующими строками: « On aura beau bâtir des temples grecs « bien élégans, bien éclairés, etc. », — и далѣе: « On ne « pouvait pas entrer dans une église gothique, sans éprouver « une sorte de frémissement, et un sentiment vague de la « divinité, etc ».

50). См описаніе знамени Князя Пожарскаго въ книгѣ: *Отечественная Галерея, Томъ II, стр.* 61, — и, здѣсь, *Примѣчаніе* 15).

51). Городовые Воеводы, страдальцы Междуцарствія, были Кн. Буйносовъ, Бутурлинъ, Плещеевъ, Воейковъ, Пушкинъ, Князь Щербатовъ, Бартеневъ, Мальцевъ. (См. *И. Г. Р.*) О князьяхъ Андр. Голицынѣ, Воротынскомъ, Засѣкинѣ и Борятинскомъ, о Шереметевѣ, Головинѣ, Измайловѣ, Волынскомъ, Бутурлинѣ, Колтовскомъ, Безобразовѣ, Жеребцовѣ и другихъ тамъ же. Герой Боровска, Кн. Михаилъ Волконскій, достойный потомокъ

« visite les artistes mes confrères à crier avec moi haro sur le barbare... « Employez vos ouvriers à restaurer la basilique gothique, au lieu de la « détruire... Est-ce une secrète impiété qui vous pousse à renverser un « temple consacré au Dieu de vos pères ? » и пр. Къ чести *нашихъ* архитекторовъ, скажемъ, что одинъ изъ знаменитѣйшихъ (Г. Тонъ) не согласился на предложенное перекрашиваніе Симоновскаго соборнаго храма, ограды и башенъ, и вѣрно не *посягнетъ* на связь упомянутаго корпуса.

св. Кн. Михаила Черниговскаго, похороненъ тамъ гдѣ убитъ: у гроба св. Пафнутія (*).

52). Одинъ прапращуръ автора, служившій въ полку Боярина Шеина, страдалъ отъ ранъ и голода въ осадномъ сидѣніи Смоленска среди труповъ убитаго отца и двухъ братьевъ; — другой, въ Московскомъ, весь покрытый ранами битвъ и истязаній отъ Ляховъ и измѣнниковъ, съ измученными сыновьями встрѣтилъ Пожарскаго въ стѣнахъ Кремля. Кровь и раны обоихъ вспомнилъ юный Михаилъ, вмѣстѣ съ многими ихъ сродниками убитыми подъ Тушинымъ и здѣсь, подъ Тропцею: Грамоты на отличіе и отчины писаны отъ его имени за Царя Василія (Шуйскаго). Первый вынесъ изъ пламени и взрывовъ приступа лучшее свое добро: икону Богоматери Смоленскія Одигитріи, которую внесъ въ храмъ пожалованнаго ему села Архангельскаго (**); другой велѣлъ дѣтямъ своимъ соорудить храмъ во имя Св. Сергія въ пожалованной ему отчинѣ, и назвать ее селомъ Сергіевскимъ: онъ вслушался въ избавительное имя Святаго, гремѣвшее отъ Дѣвичьяго поля до Боровицкой башни во всю Московскую битву!

Авторъ небоится насмѣшливыхъ нерусскихъ замѣчаній на счетъ такъ называемаго аристократизма, которымъ иностранцы (особенно всемірные враги спокойствія, величаютъ наше благоговѣйное чувство къ памяти предковъ, ихъ кровной службы и наградъ за оную; хотя,

(*) Онъ сражался, послѣдній, надъ трупами 12,000 убитыхъ воиновъ, и, говоритъ Исторія; «оставилъ для вѣковъ память своей доблести въ Гербѣ Боровска: серебряное поле, изображающее непорочность, червленое сердце — вѣрность, а посреди онаго крестъ — усердіе къ закону Божію: сердце окружено лавровымъ вѣнкомъ — символомъ славы».

(**) При томъ онъ получилъ еще кубокъ серебряный съ позолотою, который хранится у автора.

впрочемъ, и знаютъ, что у насъ нѣтъ и не было аристократіи, этого чудовища Запада, этого противувѣса власти. Исключая немногихъ мятежниковъ и предателей (по пословицѣ: *въ семьѣ не безъ урода*), Россія воскормляла лишь вѣрныхъ слугъ отечества и Престола, изъ коихъ знатнѣйшій спѣшилъ болѣе другихъ подвизаться за ихъ цѣлость, могущество и славу (*). Не иное что, какъ завистливое негодованіе противъ неколебимой Россіи, а вмѣстѣ и противъ всего чѣмъ держится вѣковый порядокъ, отнесло къ намъ это неправильное выраженіе; впрочемъ, можно все назвать кто какъ хочетъ: идеологи, готовясь быть террористами, заставили младенца, сына Лудовика XVI, называть и свою бѣлку аристократомъ (см., въ *Письмахъ Русскаго путешественника*: письмо изъ Парижа отъ Апрѣля 1790 г.) Но вотъ какъ заговорили и тамъ, упрекая новыхъ мятежелюбцевъ: «On se dit homme de lettre, pour avoir rapporté un fait historique, où le pouvoir est avili, où la religion est exposée aux traits du ridicule, où les noms, propriété chère aux familles, sont traînés dans la boue.» (**) Правота подобныхъ размышленій и упрековъ поражаетъ тѣмъ болѣе, что они слѣдуютъ за цѣлымъ полстолѣтіемъ кровавыхъ мудрованій, столь дорого стоющихъ народамъ.

53). Посѣщеніе Троицкой Лавры Г-мъ Муравьевымъ, его обзоръ ея стѣнъ и башенъ съ историческимъ сказа-

(*) *Полни отечество свое и родство* (древность рода), они — какъ писалось въ грамотахъ — *билися не стада живота своего*, и ревновали *сложить главы свои* за Царя и Царство. Такъ было, есть, и будетъ. Наполеонъ прекрасно скрѣпилъ панегирикъ Русскому Дворянству, сказавъ, отчаянный, Варшавскому послу своему, Прадту: «Les russes se sont montré — Alexandre est aimé — la noblesse est montée à cheval!»

(см. *Ambassade de Varsovie*).

(**) Keratry (Le livre des Cent-et-un).

нѣмъ объ осадѣ, и возвратный проѣздъ его туда изъ Ростова могли-бы достойно заключить такую книгу. — Авторъ, стыдясь признается, что не прежде, какъ въ концѣ 1837 года, читалъ это Путешествіе. Причиною тому были его домашнія заботы и постоянное житье въ деревнѣ безъ литтературныхъ сношеній съ Столицами. (*Прибавлено послѣ*).

54). Вторый Троицкій благовѣстникъ еще зовется Годуновымъ. Онъ былъ первымъ до вылитія, при Елисаветѣ Петровнѣ, колокола въ 4000 пудъ, въ который звонятъ въ главные праздники. Послѣднія строки взяты изъ службы святому Сергію.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Списокъ съ грамоты отъ Государя Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича, всея великія, малыя и бѣлыя Россіи Самодержца; какова прислана въ домъ Живоначальныя Троицы къ великимъ чудотворцамъ, Сергію и Никону Радонежскимъ, и тоя же обители ко властемъ. Въ 7169-мъ году отъ сотворенія міра, а отъ Рождества Христова 1661 года Октября 9 дня.

« Въ домъ Пресвятѣй Живоначальной Троицѣ, и великому отцу и чудотворцу, заступнику же искреннему молитвеннику и скорому помощнику, и кормителю всѣхъ Царей Россійскихъ и держащему Царю и ихъ Россійскому царствію, свободителю преподобному же и предивному въ чудесѣхъ Сергію, и споборителю на враги борющіяся съ нами и споругающіяся Россійскому царствію, и преподобному отцу Никону Радонежскимъ; вѣрный и грѣшный рабъ Христовъ а вашъ желательный и усердный, вашими святыми молитвами, по духу сынъ и предстатель всегдашній предъ гробницами вашими, въ нихъ же многоцѣлебныя мощи явѣ предлежатъ и мимотекущаго сего свѣта сѣдящій на престолѣ Царстѣмъ, и содержащій по изволенію Божію душами отеческими, молитвами царства Россійскаго Скипетръ и предѣловъ его тлѣнный Царь Алексѣй, и съ супругою своею Царицею Маріею, и съ сыномъ своимъ Царевичемъ Княземъ Алексѣемъ, и съ сестрами своими съ Царевною Княжною

Ириною, съ Царевною Княжною Татіаною и со дщерьми своими съ Царевною Княжною Евдокѣею, съ Царевною Княжною Марфою, съ Царевною Княжною Софіею, съ Царевною Княжною Екатериною, съ Царевною Княжною Маріею, и со всѣмъ Царствомъ Россійскимъ, поклапяемся Пресвятѣй Живоначальныя Троицы Пресвятому Ея образу и вашихъ чудотворцевъ великихъ мощемъ, до лица земли, и просимъ благословенія и прощенія и отпущенія согрѣшеній своихъ, споможенія на враги наша, а о побѣдѣ благодаря благодаримъ и вторицею покланяемся до лица земли.

Тояжъ обители отцѣмъ Преподобному Архимандриту Іоасафу и Пречестному Келарю Аверкію, и честному казначѣю Леонтію, яже о Христѣ съ братіею, повелѣніемъ Божіимъ и молитвами великихъ чудотворцевъ Серьгія и Никона Россійскаго Царствія и всѣхъ предѣловъ его, тлѣнный Царь Алексѣй, челомбьетъ совсѣмъ домомъ своимъ Царскимъ. Прошлаго мѣсяца Сентября какъ мы Государь были въ дому Пресвятыя и Живоначальныя Троицы, на преставленіе великаго въ чудесѣхъ и предивнаго Серьгія Радонежскаго Чудотворца, и то великій чудотворецъ для своего великаго празднества какое чудо сотворилъ, въ побѣдѣ намъ Государю и всему нашему Царству Россійскому, и насъ Государя отъ печали утѣшилъ, и престали смуты того жъ часа, гдѣ пріемше грамоту пріпдущую на монастырь отъ Боярина нашего Василья Шереметева о побѣдѣ, и о здравіи его и всѣхъ ратныхъ людей, и о разстояніи въ печальномъ путномъ шествіи возвратились мы въ церьковь Пречистыя и Живоначальныя Троицы и Преподобнымъ отцемъ Сергію и Никону и совершали молебное пѣніе соборнѣ, и послѣ молебнаго пѣнія сами мы Государь всѣмъ Отцѣмъ и освященному собору о побѣдѣ на враги наша чли грамоту и въ даль путномъ шествіи ево Боярина и Воеводъ съ ставарищи и всѣхъ рат-

ныхъ людей о здравіи и явили всѣмъ въ слухъ, и съ вами Преподобными отцами и со освященнымъ соборомъ, милость Пресвятыя и Живоначальныя Троицы заступленія преподобныхъ великихъ отецъ предивнаго Сергія и подобнотворителя ему Никона Чудотворца, по премногу благодарили со усердіемъ и съ радостными слезами, и пожаловали васъ милостынею другою, и по сшествіи отъ васъ съ монастыря во вратахъ святыхъ по ночному отпуску, заповѣдали вамъ постъ съ великимъ моленіемъ сотворити три дни, и молити Пресвятую Живоначальную Троицу, и о предстательствѣ великихъ чудотворцевъ и преподобныхъ отецъ Серьгія и Никона, и совершеніи побѣды и о мирѣ и о тишинѣ, и о томъ вамъ отцѣмъ самимъ вѣдомо, и вашего ради святаго и цѣломудреннаго поста, какую милость Пресвятыя и Живоначальныя Троицы, предстательствомъ великаго и славнаго предивнаго и скораго помощника Серьгія Чудотворца на сій праздникъ ево Святый и молитвами Преподобнаго Никона Чудотворца побѣду Богъ даровалъ. О блаженніи и треблаженніи отцы святіи, вопстинну великъ вашъ постъ, и пріятна ваша молитва Богу, по истиннѣ небеснія человѣцы и земніи Ангели нарпчетеся, не ложно бо есть писано во святомъ писаніи, во истинну домъ плача суть монастырь, идеже врѣтище и печаль, идѣже уединеніе, идѣже смѣхъ ни единъ, идѣже нѣсть житейскихъ вещей и молвы, идѣже постъ, идѣже долу леганіе. Пріиду къ нимъ, прикоснусь святымъ ногамъ, много бо честнѣйшее есть онѣхъ прикоснутися ногамъ, нежели инѣхъ главамъ, святіи бо суть нозѣ, аще и худи суть, а скверныхъ ниже глава честна есть; добродѣтели святыхъ много возмогоша. Мы тое отписку послали къ вамъ и велѣли прочесть послѣ молебнаго пѣнія, на соборъ всѣмъ въ слухъ, и велѣли дать вамъ списокъ, да не забвенна будетъ милость Пресвятыя и Живоначальныя Троицы, и предста-

тельство преподобныхъ отецъ Серьгія и Никона Радонежскихъ Чудотворцевъ, въ родъ и родъ.

А для молебнаго пѣнія и съ милостынею послали мы Государь Стольника нашего и ближнего человѣка Князь Алексія Княжъ Андреева сына Голицына (*); а походъ свой мы Государь въ домъ Живоначальныя Троицы и Преподобныхъ Чудотворцевъ Серьгія и Никона о благодареніи отставили нестройнаго ради осенняго пути, и о томъ бы вамъ отцѣмъ молити Пресвятую Живоначальную Троицу, и Преподобныхъ отецъ Серьгія и Никона чтобъ на насъ грѣшныхъ не разгнѣвался, и вамъ бы отцамъ святымъ не подивити же, а впредь аще дастъ Богъ да живи будемъ, и мы Государь не замедлимъ, по подобному временн побываемъ къ вамъ; всѣмъ покланяемся, аминь. »

А подлинная Государева грамота подписана тако: — Въ домъ Пречистыя и Живоначальныя Троицы и Преподобныхъ отецъ Сергія и Никона Радонежскихъ Чудотворцевъ. Грамота Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца: а у грамоты Великаго Государя печать на красномъ воску.

(*) Авторъ получилъ списокъ съ этой грамоты отъ потомка его, Князя Александра Сергеевича Голицына.